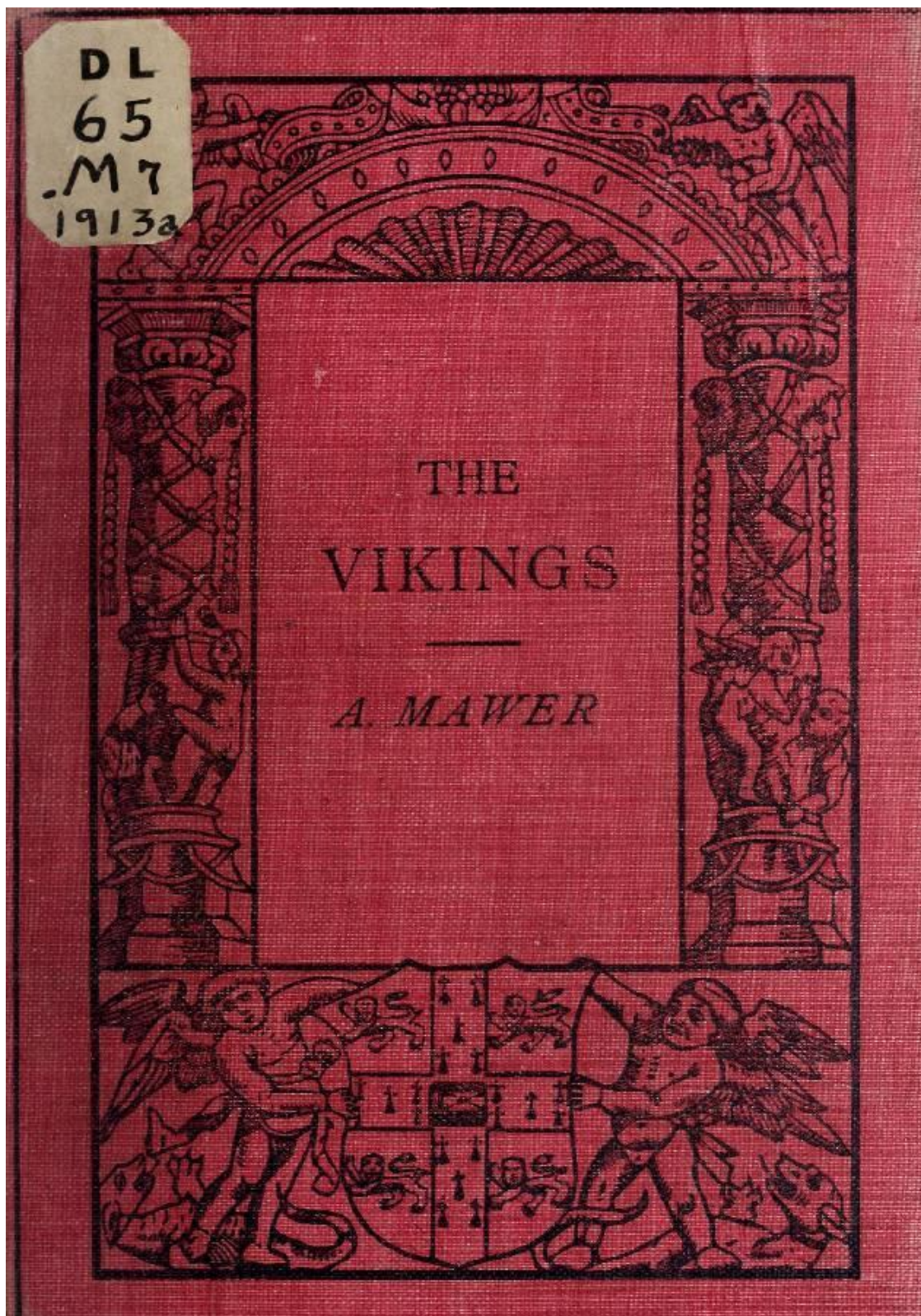

Викинги

А. Мавер

Электронная книга проекта Гутенберга о викингх

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Викинги

Автор: А. Мавер

Дата выхода: 21 сентября 2016 г. [Электронная книга № 53106]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

В титрах: Подготовлено Крисом Керноу, Моти Бен-Ари и командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ВИКИНГИ" ***

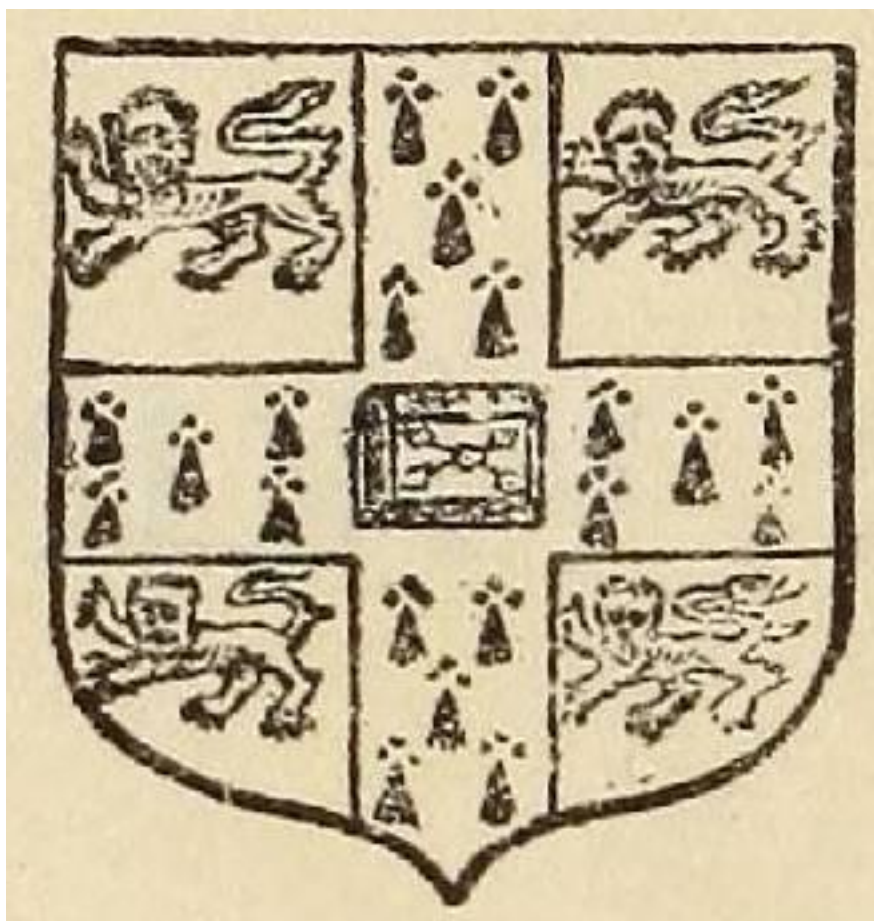
Кембриджские руководства по науке и литературе

ВИКИНГИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО КЕМБРИДЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

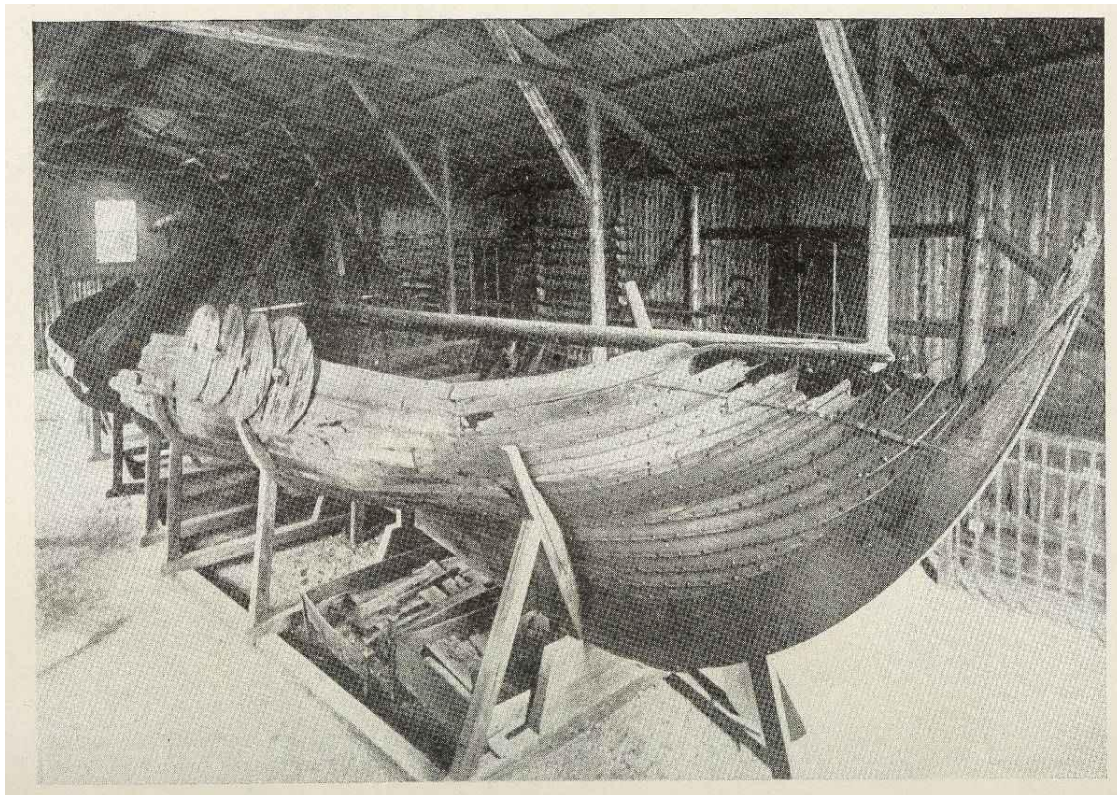
Лондон: ФЕТТЕР ЛЕЙН, Э.К.

К. Ф. КЛЕЙ, менеджер

Эдинбург: ПРИНСЕС-СТРИТ, 100
Берлин: А. АШЕР И КОМПАНИЯ.
Лейпциг: Ф. А. БРОКГАУЗ
Нью-Йорк: СЫНОВЬЯ Г. П. ПАТНЭМА
Бомбей и Калькутта: MACMILLAN AND CO., Ltd.

Все права защищены

Корабль из Гокстада

THE VIKINGS

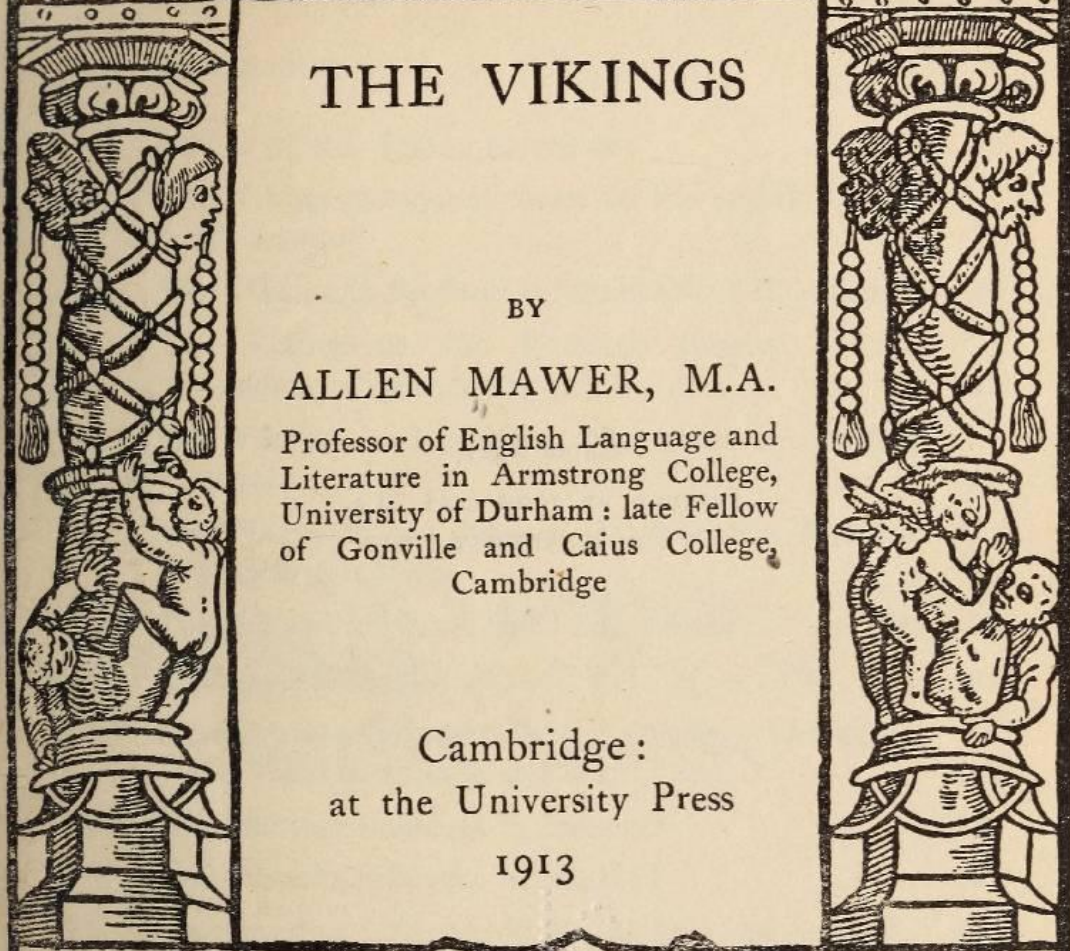
BY

ALLEN MAWER, M.A.

Professor of English Language and
Literature in Armstrong College,
University of Durham: late Fellow
of Gonville and Caius College,
Cambridge

Cambridge:
at the University Press

1913

ВИКИНГИ

АВТОР: АЛЛЕН МАВЕР, магистр

английского языка и литературы в колледже Армстронга Даремского университета: ныне покойный стипендиат колледжа Гонвилл и Кайус в Кембридже

кембридж:

издательство Университета

1913

Кембридж:

НАПЕЧАТАНО ДЖОНОМ КЛЕЕМ, магистром ИСКУССТВ

В UNIVERSITY PRESS

За исключением герба внизу, рисунок на титульном листе является репродукцией рисунка, использованного самым ранним известным кембриджским печатником Джоном Сиберчем в 1521 году

Содержание

	СТРАНИЦА
Введения	1
ГЛАВА	
I. Причины движения викингов	4
II. Движение викингов вплоть до середины 9 века	12
III. Викинги в Англии до смерти Хартакнута	22
IV. Викинги во Франкской империи до основания Нормандии (911)	43
против Викингов в Ирландии до битвы при Клонтарфе (1014)	54
VI. Викинги на Оркнейских островах, Шотландии, Западных островах и Человеке	65
VII. Викинги в Прибалтике и России	69
VIII. Цивилизация викингов	82
IX. Скандинавское влияние на Оркнейских островах, Шетландах, Западных островах и Человеке	112
X. Скандинавское влияние в Ирландии	116

XI. Скандинавское влияние в Англии	123
XII. Скандинавское влияние в Империи и Исландии	138
Библиография	146
Указатель	148

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Корабль из Гокстада

Фронтиспис

ТАРЕЛКИ

I. Корабль викингов с гобелена из Байе,	<i>первая страница</i>	100
II. Орнаменты периода викингов	" "	104
III. Камень Джеллинджа	" "	111

Фронтиспис воспроизведен с любезного разрешения фотографа г-на О. Веринга из Христиании; фотографии II и III взяты из книги Софуса Мюллера *Nordische Altertümskunde*.

Введение

Термин "викинг" происходит от древнескандинавского *vík*, залив, и означает "тот, кто обитает в бухте, ручье или фьорде"[1]. В 9-10 веках его стали чаще использовать в отношении тех воинов, которые покинули свои дома в Скандинавии и совершали набеги на главные европейские страны. Это узкое и технически единственно правильное использование термина "викинг", но в таких выражениях, как "цивилизация викингов", "эпоха викингов", "движение викингов", "влияние викингов", это слово приобрело более широкое значение и используется как краткий и удобный термин для описания всей цивилизации, деятельности и влияния скандинавских народов в определенный период их истории, и применять термин "викинг" в его более узком смысле к этим движениям было бы таким же вводящим в заблуждение, как писать отчет об эпохе Елизаветы и называть его "Эпохой викингов". Пираты".

В настоящем руководстве этот термин используется в более широком смысле. Грабежи и набеги составляют лишь один из аспектов деятельности викингов, и в основном случайно именно этот аспект занимает наибольшее место в наших умах. Наши знания о движении викингов до последнего полувека почти полностью черпались из трудов средневековых латинских хронистов, писавших в монастырях и других родственных учебных заведениях, которые слишком часто испытывали на себе разрушительную руку набегов викингов. Они, естественно, считали их немногим лучше пиратов и никогда не уставали распространяться об их жестокости. Только в течение последних пятидесяти лет или около того мы смогли пересмотреть наши представления о цивилизации викингов и сформировать более справедливое представление о той роли, которую она сыграла в истории Европы.

Перемена произошла главным образом по двум причинам. Во-первых, литература Скандинавии больше не является для нас закрытой книгой. Для нашего периода существуют три основные группы местных источников: (1) саги в прозе и *История Даники* Саксона Грамматика, (2) эддические поэмы, (3) скальдические поэмы. Саги в прозе и "Саксон" относятся к эпохе значительно более поздней, чем эпоха викингов, но они содержат много ценного материала, относящегося к тому периоду. Главные поэмы "старшей Эдды" относятся к самому периоду викингов и бесценны благодаря информации, которую они дают нам относительно религии и мифологии скандинавских народов того времени, героических историй, распространенных среди них, и их общего взгляда на жизнь. Однако скальдические поэмы в некотором смысле являются наиболее ценным историческим авторитетом для того периода. *Скальды*, или придворные поэты, были прикреплены ко дворам королей и ярлов, рассказывали об их приключениях, восхваляли их победы и слагали скорбные песни об их смерти, и их творчество во многом совпадает с событиями, которые они описывают.

Во-вторых, и, возможно, это еще более важно по своим результатам, археологическая наука за последние полвека быстро продвинулась вперед, и работа археологов над богатыми находками, обнаруженными за последние сто лет, предоставила нам обширный массив конкретных фактов, с помощью которых мы смогли реконструировать материальную цивилизацию периода викингов гораздо более удовлетворительно, чем мы могли бы по разрозненным и фрагментарным упоминаниям, найденным в сагах и в других местах. Получившаяся картина потребует описания позже, но с самого начала хорошо бы помнить, что она сильно отличается от той, которая обычно ассоциируется с термином "викинг".

С этим пояснением и предупреждением мы можем перейти к нашей основной теме.

СНОСКА:

[1] Слово старше фактической эпохи викингов: оно встречается в англосаксонском языке в форме *wicing*. Некоторые авторы говорили, что это означает "люди из района *Vuk*" в Южной Норвегии, названные так из-за длинного отверстия, похожего на фьорд, которое находится там, но раннее англосаксонское использование термина запрещает такое происхождение.

ГЛАВА I ПРИЧИНЫ ДВИЖЕНИЯ ВИКИНГОВ

Период скандинавской истории, к которому применяется термин "викинг", простирается примерно с середины 8-го по конец 10-го или первую половину 11-го века. Его начало было ознаменовано набегами скандинавских флибустьеров на побережья Англии, Западной Шотландии и Ирландии, а также на территорию франков. Его кульминация была достигнута, когда в течение IX и X веков скандинавское правление установилось в Ирландии, Мэне и на Западных островах, в северных и срединных районах Англии, Нормандии и на большей части России. Его завершение ознаменовалось консолидацией скандинавских королевств в конце 10-го и начале 11-го веков под властью таких могущественных государей, как Олаф Трюгвасон и Олаф Святой в Норвегии, Олаф Скетконунг в Швеции и, что важнее всего, король Кнут в Дании,

который на короткое время объединил всю Скандинавию и большую часть Британских островов в одну обширную конфедерацию.

На масштабы и важность этого движения с самого начала указывают почти одновременные волнения в Англии, на побережье Франции и на границе по Эйдеру между Данией и Франкской империей.

В правление Беортика, короля Уэссекса (786-802), три корабля норманнов, пришедших из Хордаланда (вокруг Хардангер-фьорда), высадились близ Дорчестера, в июне 793 года Линдисфарн был разграблен, в марте 800 года Карл Великий оказался вынужден снарядить флот и создать более сильную береговую охрану для защиты франкского побережья от нападений норманнов, а с 777 года, когда саксонский патриот Видукинд укрылся у датского короля Зигфрида (ум. Сигред), вдоль сухопутной границы между Данией и Франкской империей существовали почти постоянные трения.

Этой вспышке враждебной активности предшествовали значительные контакты различного характера между Скандинавией и странами Западной Европы. В начале VI века датчане или, согласно другому источнику, гетары из Геталанда на юге Швеции вторглись во Фризию под предводительством своего короля Чоцилайка. Упоминание об этом рейде содержится в истории о Хигелаке, короле геатов, в *"Беовульфе"*. Профессор Циммер предположил, что нападения неизвестных пиратов на остров Эйгг на Гебридских островах и на остров Тори у берегов Донегола, описанные в некоторых ирландских летописях VII века, на самом деле были делом рук скандинавских налетчиков. Свидетельства ирландских легенд и саг доказывают, что в том же столетии ирландские отшельники поселились на Шетландских островах, но позже были вынуждены из-за прибытия скандинавских поселенцев перебраться на уединенные Фарерские острова. Здесь их нельзя было оставить в покое, поскольку ирландский географ Дикуил, писавший в 825 году, сообщает нам, что к тому времени монахи покинули Фарерские острова примерно на тридцать лет из-за набегов северных пиратов. Доктор Якобсен показал, что формы географических названий на Шетландских островах совершенно определенно указывают на поселение из Скандинавии во времена— предшествовавшие викингам, — до 700 года, - в то время как скульптурные камни Готланда уже в конце VII века свидетельствуют о явном влиянии кельтского искусства. Возможно также, что купцы скандинавского происхождения уже обосновались во Франкской империи, и несомненно, что между Скандинавией и Западом существовала значительная торговля.

Большая часть продемонстрированных таким образом контактов была медленной по развитию, мирной и цивилизующей по своему характеру. Как получилось, что в последние годы VIII века это общение внезапно усилилось и интенсифицировалось, и в то же время оно претерпело большие изменения как в методах, так и в характере?

Традиционным объяснением является то, которое дают Дудо и Вильгельм Жюмьежский в своих *"историях заселения Нормандии"* и Саксон в своем рассказе о датских поселениях в прибалтийских землях в 10 веке, а именно. что население Скандинавии переросло свои средства к существованию, и результатом этого стала вынужденная эмиграция. Возможно, в традиции есть определенная доля правды, но когда она говорит, что этот избыток населения был вызван полигамией, у нас есть все основания сомневаться в этом. Полигамия не приводит к

чрезмерно быстрому росту населения в целом, и совершенно очевидно, что она практиковалась только правящими классами Скандинавии. Однако вполне возможно, что большое количество сыновей в правящих семьях привело к тому, что младшим пришлось отправиться в путь и завоевать для себя новые территории на новых землях.

Возможно, более ясный свет на этот вопрос прольется, если мы рассмотрим политическое состояние скандинавских стран в настоящее время. В Норвегии мы обнаруживаем, что концентрация королевской власти в руках Гарольда Фэйрхейра после середины IX века побудила многих наиболее независимых людей покинуть Норвегию и принять образ жизни викингов на Западе или поселиться в новых домах в Исландии. Дух независимости был настолько силен, что, когда Гарольд Фэрхэйр добился подчинения западных викингов после битвы при Хафрсфьорде, многие из них, вместо того чтобы мириться даже с призрачным господством, отказались от своей жизни викингов и обосновались в Исландии, чтобы обрести мирную независимость. Вполне возможно, что более ранние попытки консолидации со стороны предыдущих мелких норвежских королей приводили к аналогичным результатам.

О состоянии Швеции мы практически ничего не знаем, но у нас достаточно информации о ходе событий в Дании в то время, чтобы видеть, что это, вероятно, ускорило развитие движения викингов. На протяжении первой половины IX века неоднократно происходила династическая борьба, сопровождавшаяся, вероятно, добровольным или принудительным изгнанием многих членов соперничающих фракций.

Внешние причины также, безусловно, не обошлись без влияния. С VI века до середины VIII фризцы были великой военно-морской и торговой державой Северо-Западной Европы. Вероятно, они принимали какое-то участие в завоевании Англии, и в течение VII и VIII веков все побережье Нидерландов от Шельды до Везера находилось в их руках. Их торговля была обширной, их главным городом был Дюрстед в нескольких милях к юго-востоку от Утрехта. Экспансия франков на север привела их к столкновению с фризами в VII веке. Борьба была долгой и ожесточенной, но в конце концов фризы были разбиты Карлом Мартеллом в 734 году и окончательно покорены Карлом Великим в 785 году. Сокрушение военно-морской мощи фризов и нанесение ущерба их торговле, вероятно, сыграли немаловажную роль в содействии продвижению скандинавов, и любопытно отметить, что, хотя существуют значительные археологические свидетельства мирных сношений между западным побережьем Норвегии и фризскими землями в VIII веке, эти свидетельства, похоже, заканчиваются примерно в 800 году, как раз когда могущество фризов окончательно пришло в упадок. Также не может быть сомнений в том, что завоевание саксов Карлом Великим в конце VIII века, столкнувшее франков и датчан лицом к лицу на границе Эйдера, вызвало у последних беспокойство.

Было много споров по поводу соответствующего участия датчан и норвежцев в движении викингов. У шведов, к счастью, это можно определить с гораздо большей уверенностью. Шведы по большей части интересовались только Восточной Европой, и то скорее для торговли, чем для сражений: из рунических надписей и других источников мы узнаем, что некоторые шведы действительно посещали Англию и Запад, но эти визиты были вызваны индивидуальной, а не национальной деятельностью. Вопрос между датчанином и норвежцем в некоторой степени усложнялся из-за национальных предрассудков скандинавских ученых; например, датчане по большей части принимают решение в пользу датского происхождения Ролло Нормандского, в то время как норвежцы принимают решение в пользу его норвежского происхождения. К

сожалению, такие расхождения во мнениях слишком часто возможны из-за скудости материала, на котором мы должны основывать наши выводы. Средневековые хронисты по большей части не могли или не желали проводить различие между датчанами и норвежцами; для них все они были одинаковыми "нордманни", и термин "дани" практически взаимозаменяем с ним. Расплывчатость их этнографических знаний становится очевидной, когда мы обнаруживаем, что норманнский дудо в начале 11 века ведет свое происхождение от дани (или дачи) до первоначального дома в Дакии. Ирландские летописцы, однако, проводили очень четкое различие между норвежцами и датчанами — финн-гейл и Дабх-гейл, как они их называли, то есть белыми и черными иностранцами соответственно[2]. Кажется, они никогда не путают их, но точно определить, на каком основании они дали им свои отличительные эпитеты, сейчас невозможно. Они не соответствуют каким-либо известным этнографическим различиям, и единственное другое разумное предположение, которое было выдвинуто, заключается в том, что эти термины используются для описания некоторых различий в доспехах или снаряжении, пока неизвестных нам. Ирландские анналы также проводят различие между даунами, или датчанами, и лохланнами, или людьми из Лохланна, то есть Норвегии; но опять же происхождение термина "лохланн" применительно к Норвегии неясно. Авторы "Англосаксонской хроники", похоже, очень определенно используют термин *Norðmenn* по отношению к норвежцам, точно так же, как Альфред в своем переводе Орозия, но термин *Define* стал использоваться более расплывчато и неуверенно. Лишь очень редко летописцы удостоивают нас точной информации о местонахождении какой-либо конкретной группы викингов-налетчиков. Мы уже упоминали о присутствии норвежцев из Хордаланда в Англии при самом зарождении движения[3]: однажды мы слышим о "вестфальдингах", то есть людях из Вестфолда в Южной Норвегии, в отчете о нападениях на Аквитанию, а в одном отрывке викинги названы "скальдингами", но это оспаривается означает ли это викингов, которые расквартировались в долине Шельды, или это термин, применяемый к датчанам от имени их королевской семьи, а именно. Скъельдунгар[4]. Грубо говоря, мы можем, однако, утверждать, что Ирландия, Шотландия и Западные острова были почти полностью в руках норвежских поселенцев (датские нападения на Ирландию по большей части провалились). Нортумбрия была норвежской, но Восточная Англия и Пять округов были датскими. Нападения на Францию и Нидерланды были совершены как норвежцами, так и датчанами, вероятно, с преобладанием последних, в то время как только датчане и шведы обосновались в прибалтийских землях.

СНОСКИ:

[2] Название *Финн-гейлл* сохранилось в Фингалле, названии района к северу от Дублина, в то время как *Дабх-гейл* является вторым элементом в именах собственных Макдугалл и МакДауэлл.

[3] Имя *Хируат*, данное кельтскими писателями Норвегии, вероятно, также указывает на традицию, согласно которой многие викинги, вторгшиеся в Ирландию, были хордарами из Норвегии.

[4] Третье объяснение недавно было предложено доктором Бьеркманом, а именно. что это нижненемецкое слово, означающее "корабельщики", которое стало употребляться специально у викингов.

ГЛАВА II

ДВИЖЕНИЕ ВИКИНГОВ ВПЛОТЬ ДО СЕРЕДИНЫ IX ВЕКА

Англия, возможно, была ареной первых набегов викингов, но после набега на Дорчестер, разграбления Линдисфарна в 793 году (*в. выше*, стр. 5) и разрушения монастыря Святого Павла в Джарроу в 794 году мы больше ничего не слышим о викингах в Англии до 835 года. Судьба Ирландии была иной. Нападения начались почти в то же время, что и в Англии, и продолжались без перерыва. Викинги обогнули западное побережье Шотландии. Скай, а затем остров Ламбей близ Дублина были захвачены в 795 году, Гламорганшир был razорен в том же году, а остров Мэн подвергся нападению в 798 году. Иона была разграблена в 802 и снова в 806 годах. В 807 году захватчики появились у берегов Слайго и пробрались вглубь страны до Роскоммона, а в 811 году Мюнстер был разграблен. В 821 году полуостров Хоут близ Дублина и два небольших острова в Уэксфорд-Хейвене были razорены. Викинги полностью окружили Ирландию своими флотами, и к 834 году они продвинулись далеко вглубь острова, так что никто не был в безопасности от их нападений. Они больше не довольствовались отдельными набегам: большие флотилии начали посещать Ирландию и бросать якорь в многочисленных лоу и гаванях, которыми изобилует побережье. Оттуда они совершали длительные набеги на окружающую местность и часто укрепляли свою базу, строя форты на берегах лоу или гаваней, в которых они обосновались. Именно таким образом Дублин, Уотерфорд и Лимерик впервые приобрели большое значение.

Из вождей викингов в это время есть только один, чья фигура выделяется достаточно четко, и это Тургес (О.Н. Оргестр), который впервые появился в 832 году при разграблении Армы. Он прибыл в Ирландию с огромным королевским флотом и "принял власть над иностранцами в Эрине". У него были флоты на Лох-Неа, в Лауте и на Лох-Ри, и он совершал набеги на страну так далеко на юг, как округ Мит. Турджес был не единственным захватчиком в то время: действительно, войска захватчиков были так многочисленны, что хроники сообщают нам: "После этого в Эрин хлынули огромные потоки чужеземцев, вызванные морем, так что не было ни одного места без флота". Могущество Турджеса достигло кульминации в 841 году, когда он отправил аббата Армы в изгнание, узурпировал аббатство и осуществил суверенитет Северной Ирландии. В то же время его жена Ота (О.Н. Аудр) осквернила монастырь Клонмакнуаз и дала аудиенцию, вероятно, в качестве *вельвы* или пророчицы, у главного алтаря. Три года спустя Турджес был схвачен ирландцами и утонул в Лох-Оуэле (Колорадо). Уэст-Мит).

Ранние нападения на Англию и первое вторжение в Ирландию были похожи друг на друга благодаря скандинавам, а не датчанам. Это очевидно из их общего курса, из недвусмысленного заявления англосаксонской хроники и из того факта, что первое прибытие датчан в Ирландию определенно зафиксировано в 849 году. Нападение на Дорчестер (ок. 786-802), расположенный недалеко от центра южного побережья Англии, выглядит несколько странно, если его относят к традиционной дате, а именно к 787 году, но для этого нет никаких оснований, и если его относят к какой-либо дате, более близкой к 802 году (до которого оно должно было произойти), вполне вероятно, что нападение можно объяснить как продолжение набегов викингов вниз по каналу Святого Георгия и вокруг юго-западного угла Англии.

В 835 году нападения на Англию возобновились с интервалом в 40 лет, но поскольку сейчас они находятся в тесной связи с современными вторжениями на территорию Франков, есть все основания полагать, что они были датского, а не норвежского происхождения. Атаки начались на юге и западе, но вскоре они распространились на Восточную Англию и Линдси. В 842 году та же армия razорила Лондон, Эпль и Рочестер. В 851 году Этельстан Кентский разгромил датчан на море в одном из редких сражений, которые они вели в своей стихии, и в том же году они остались на зимовку в Танете, вероятно, из-за потери своих кораблей. О масштабах иважности этих нападений можно судить по тому факту, что в этом году флот из примерно 350 датских кораблей поднялся вверх по Темзе. Вероятно, это был тот же самый флот, только несколько уменьшенный численностью, который в 852 году razорил Фризию, а затем обогнул Британские острова, прибыл в Ирландию и захватил Дублин. В 855 году датчане впервые перезимовали в Шеппи, и мы подходим к тому же этапу в развитии их нападений на Англию, которого они уже достигли в Ирландии. Мы уходим из периода набегов. Датчане теперь были готовы оставаться здесь несколько лет подряд и продолжать свои нападения с непрерывным упорством.

Ход событий во Франкской империи в те годы протекал во многом по тому же сценарию, что и в Англии и Ирландии, за исключением того, что здесь возникли проблемы на сухопутной границе между Данией и франками, а также на морском побережье.

Встревоженный завоеванием саксов датский король Гудред собрал флот в Слесвике, а в 808 году переправился через реку Айдер и напал на абодриты (в Мекленбурге-Шверине), славянское племя в союзе с франками. Он также послал флот примерно из 200 судов опустошить побережье Фризии, предъявил претензии на этот район и Саксонию, расположенную к северу от Эльбы, и пригрозил напасть на Карла Великого в его собственной столице. Император готовился оказать ему сопротивление, когда пришло известие (810 г.) о смерти Гудреда от рук одного из его сторонников и последующем разгроме датского флота.

Вскоре после этого возникли споры о престолонаследии между семьей Гудреда и семьей более раннего короля Гарольда. В конечном счете состязание переросло в противостояние между сыновьями Гудреда, особенно неким Хориком (О.Н. Харек) и неким Гарольдом. Это продолжалось несколько лет, сыновья Гудреда по большей части сохраняли свою власть над Данией. В какой-то момент во время борьбы Гарольд и его брат Рагнфред отправились в Вестфолд в Норвегии, "крайний район их королевства, вожди и народы которого отказывались подчиняться им, и добились их подчинения", что ясно показывает, что в то время Дания и Южная Норвегия находились под одним правлением, и делает вероятным отождествление Гудреда с Гудредом Инглингом, который примерно в это же время был убит вассалом в проливе Стифла на южном побережье Норвегии. Этот король правил Вестфолдом, половиной Вингульмерка и, возможно, Агдиром. Обе стороны стремились заручиться поддержкой императора Людовика, и в конце концов Гарольд заручился его помощью, приняв крещение в Майнце в 826 году. Он пообещал продвигать дело христианства в Дании, в то время как Льюис взамен предоставил ему округ Рюстринген во Фризии в качестве места отступления в случае необходимости. Таким образом, датчане получили свой первый плацдарм в пределах империи.

Достаточно было сказано об отношениях между Данией и империей на ее сухопутной границе: теперь мы должны сказать кое-что о нападениях с моря.

Первые были сделаны в 799 году на побережье Аквитании, и, вероятно, они были сделаны рейдерами из Ирландии, которые следовали по хорошо известному торговому пути из Южной Ирландии в порты Южной Франции. В 800 году Карл Великий осмотрел побережье от Соммы до Сены и отдал приказы о снаряжении флота и усилении береговой охраны от норманнских пиратов. Когда флот Гудреда разграбил острова у побережья Фризии в 810 году, Карл Великий отдал приказ еще раз усилить свой флот, но результаты были крайне плачевными. Проход через Ла-Манш больше не был безопасным, и год за годом, начиная с 819 года, викинги нападали на остров Нуармутье в устье Луары, контролируя порт Нант и обширную торговлю солью в этом районе. Остров Ре, расположенный напротив Ла-Рошели, подвергся аналогичному набегу.

Между 814 и 833 годами Франкская империя была свободна от нападений. В то же время английское побережье также никто не посещал, и вполне вероятно, что борьба за престолонаследие в Дании на какое-то время привела это королевство к бездействию. Примерно в 830 году датский король Харек, по-видимому, прочно утвердился на троне, в то время как, с другой стороны, император Людовик был обеспокоен амбициями своих сыновей Людовика, Пиппина и Лотаря. Вероятно, неслучайно эти события совпали с возобновлением нападений викингов на Фризию. На протяжении всей своей истории викинги проявляли себя хорошо осведомленными об изменяющихся политических условиях стран, которые они посещали, и готовыми максимально использовать возможности, которые они могли предоставить для успешного вторжения.

Фризия была главным объектом нападения в течение следующих нескольких лет. Четырежды подвергался разорению богатый торговый город Дюрстед; флоты плавали вверх по Вельду, Маасу и Шельде; Антверпен был сожжен, а остров Вальхерен разграблен, так что к 840 году большая часть Фризии к югу от Влии оказалась в руках Дании, и так оставалось до конца столетия. Датский король Харек неоднократно отрицал свою причастность к этим набегам и даже обещал наказать налетчиков, но невозможно сказать, насколько его опровержения были искренними. Столь же трудно сказать, в какой степени Гарольд в своем фризском доме был ответственен за эти нападения. Летописцы обвиняют его в соучастии, но Льюис, похоже, счел за лучшее связать его новыми подарками и (вероятно, около 839 года) предоставил ему и его брату Рорику (О.Н. Хререкр) территорию вокруг самого Дуурстед при условии, что они помогут отражать нападения викингов. Все усилия императора снарядить флот или защитить побережье оказались тщетными, и возникло даже подозрение, что население фризии сочувствовало викингам. Ужас перед нападением был настолько велик, что, когда в 839 году византийская миссия, в том числе несколько росов или шведов из России, посетила императора в Ингельхайме, шведов на некоторое время задержали по подозрению как шпионов.

После смерти Льюиса Благочестивого в 840 году дела шли все хуже и хуже. Раздел империи в 843 году передал побережье от Эйдера до Везера Льюису, от Везера до Шельды Лотарю, а остальное - Карлу, исключив всякую возможность объединенной и организованной обороны, и вскоре эти князья прибегли к пагубной политике привлечения викингов на помощь в их распрях. Таким образом, Лотарь в 841 году попытался привлечь Гарольда к своему делу, предоставив остров Вальхерен, и в следующем году Гарольд был найден с армией Лотаря на Мозеле.

Экспедиции викингов в Англию и Францию в настоящее время находятся в тесной связи. В 841 году долина Сены была разорена до самого Руана, в 842 году дворец в Пикардии был разрушен английским флотом, а в 843 году Нант пал жертвой их нападений. Из своей постоянной

квартиры в Нуармутье викинги поплыли вверх по Гаронне и проникли вглубь страны до самой Тулузы. В 844 году мы слышим от арабских историков об их кораблях, кишащих у берегов Испании подобно "темно-красным морским птицам", но, хотя они высадились в Лиссабоне, Кадисе и Арсиле в Марокко и захватили Севилью, за исключением ее цитадели, сопротивление мусульман было слишком сильным, чтобы они могли добиться значительных результатов.

В результате этой экспедиции эмир Кордовы Абд-ар-Рахман II направил посольство к королю *маджусов* (то есть волхвов или язычников, одно из самых распространенных арабских имен викингов). Посол нашел короля живущим на острове в трех днях пути от материка, но нам сказали, что язычники оккупировали многие другие соседние острова, а также материк. Он был вежливо принят королем и стал особым фаворитом королевы Нуд (? O.N. Auðr). Его спутники были встревожены такой интимностью, и в результате посол стал реже бывать при дворе. Королева спросила его почему, и когда он объяснил ей причину, она ответила, что благодаря полной свободе развода среди маджу не было никакой ревности. Детали этой истории слишком расплывчаты, чтобы утверждать наверняка, но создается впечатление, что посольство посетило двор великого Тургеса и его не менее замечательной жены Ауд в Ирландии или, возможно, Олафа Белого и его жены Ауд (v. ниже, стр. 66).

В 845 году датский король Гарекр поднялся вверх по Эльбе и разрушил Гамбург, в то время как в том же году ужасный Рагнар Лодброк, самый знаменитый из всех викингов, доплыл вверх по Сене до Парижа. Во время отступления из Парижа, после обычных разрушений, в датской армии вспыхнула странная и смертельная болезнь, возможно, какая-то форма дизентерии из-за нехватки продовольствия в результате суровой зимы. В связи с этим событием возникли различные легенды, и оно находит любопытный отзвук в рассказе Саксона Грамматика об экспедиции Рагнара к биармийцам (на Севере России), когда этот народ своими молитвами наслал на датчан чуму дизентерии, в результате которой погибло большое количество людей. В конце концов историческую эпидемию удалось остановить, когда Гарекр приказал викингам по возвращении в Данию воздерживаться от мяса в течение четырнадцати дней. То ли в результате чумы, то ли по какой-то другой причине Харек теперь проявил готовность прийти к соглашению с Льюисом, и в течение следующих восьмидесяти лет на границе Эйдера царил полный мир. Однако все побережье все еще было открыто для нападений; Фризия вряд ли когда-либо была свободна от захватчиков; Бретань была вынуждена откупиться от датских нападений в 847 году, в то время как Нуармутье продолжал формировать базу для нападения на Юг Франции в районе Жиронды. Вторжения викингов во Францию достигли во многом той же стадии, что и та, до которой мы уже проследили их в Англии и Ирландии.

ГЛАВА III

ВИКИНГИ В АНГЛИИ ДО СМЕРТИ ХАРТАКНАТА

Значительное развитие деятельности викингов, произошедшее после 855 года, безусловно, было связано с ходом событий в самой Дании. Гарекр подвергся нападению двух своих племянников в 850 году и был вынужден разделить с ними королевство. В 854 году большие отряды викингов вернулись на свою родину после двадцатилетних опустошений на франкской

территории. Теперь возникли проблемы между Хареком и его племянником Годурмом (О.Н. Гудорм), одним из вернувшихся лидеров. Вспыхнула гражданская война, и в конечном счете, после большой битвы, королевская власть перешла к младшему Хареку, родственнику покойного короля. Жестокая династическая борьба такого рода, должно быть, сопровождалась большим беспокойством и, возможно, фактическим запрещением. Несомненно, кажется, что существовала какая-то определенная связь между этими событиями и совпадающим появлением сыновей Рагнара Лодрока в качестве лидеров более обширного движения викингов как в Англии, так и во Франции. Трое его сыновей — Хальфданр, Убби и Иварр — приняли участие в первой зимовке в Шеппее в 855 году, в то время как в том же году на Сене появился еще один сын, Бьерн Айронсайд.

Фигура самого Рагнара Лодрока принадлежит к более раннему поколению, и какой бы великой ни была его последующая слава, мы, к сожалению, очень мало знаем о его реальной карьере. Судя по всему, он был норвежского происхождения, тесно связан с югом Норвегии и домом Гудредов, но, как и этот принц, имел обширные интересы в Дании. Вероятно, он посетил Ирландию в 831 году, поскольку у Саксона мы читаем об экспедиции Рагнара в Ирландию, когда он убил короля Мелбрикуса и разорил Дублин, событие, которое почти наверняка следует отождествить с нападением на округ Конаиль (колорадо). Лаут) иностранцами в 831 году, когда король Мэлбрайд был взят в плен. Он возглавил неудачную экспедицию по Сене в 845 году (v. выше, стр. 21). Следующее упоминание о нем, которое у нас есть, вероятно, содержится в некоторых ирландских летописях, где он представлен изгнанным из своего норвежского наследства и живущим с некоторыми из своих сыновей на Оркнейских островах, в то время как другие отсутствовали в экспедициях на Британские острова, Испанию и Африку, а в Мейсхоу на Оркнейских островах была найдена руническая надпись, подтверждающая связь сыновей Лодброка и, возможно, самого Лодброка с этими островами. Это будут упомянутые выше экспедиции и еще более известная экспедиция, предпринятая Бьерном Айронсайдом в Испанию, Африку и Италию в 859-62 годах (v. ниже, стр. 46-7). Более поздняя история Рагнара Лодрока неизвестна. Согласно ирландским летописям, процитированным выше, его сыновьям во время их экспедиции приснилось, что их отец умер в чужой стране, и по возвращении они убедились, что это правда. Это согласуется со скандинавской традицией, согласно которой Рагнар встретил свою смерть от рук Эллы, короля Нортумбрии, который бросил его в змеиную яму, в то время как захват Йорка Иварром Бескостным в 866-7 годах (ниже) представлен как часть великой экспедиции возмездия, предпринятой сыновьями Рагнара. Эта традиция (за исключением некоторых деталей), вероятно, историческая, но у нас нет определенных подтверждающих свидетельств.

С этим замечанием об истории Дании того времени и о карьере самого темного, но в то же время самого знаменитого из вождей викингов, мы можем еще раз обратиться к истории событий в Англии.

В течение десяти лет после зимовки в Шеппи Англия жила в состоянии относительного мира. Перемена произошла в 866 году, когда большое датское войско, которое было подкуплено Карлом Лысым, чтобы оно покинуло Сену, отплыло в Англию и разместилось в Восточной Англии. В 867 году они переправились через Хамбер и захватили Йорк, их задача была облегчена из-за ссор Эллы и Осберта из-за королевской власти в Нортумбрии. В следующем

году соперники исправили свои разногласия, но не смогли отбить Йорк у датчан под руководством Иварра и Убби. Установив марионеточного короля Эгберта в Нортумбрии к северу от Тайны, датчане затем получили в подчинение Мерсию и вернулись в Йорк в 869 году. В 870 году они прошли маршем через Мерсию в Восточную Англию, дошли до Тетфорда, вступили в бой с войсками Эдмунда, короля Восточной Англии, победили и убили его, неизвестно, в настоящем ли сражении или в более позднем мученичестве, как гласит народная традиция. Смерть святого Эдмунда, короля и мученика, вскоре приобрела европейскую известность, и ни один вождь викингов не вызывал большего отвращения, чем жестокий Иварр, которого считали ответственным за это.

Следующим настал черед Уэссекса. Исход битвы менялся, но отчеты обычно заканчиваются зловещими словами "Датчане овладели полем битвы". В 871 году Альфред начал свою героическую борьбу с датчанами, и в первый год его правления было проведено около девяти крупных сражений, не считая многочисленных мелких стычек. Сопротивление западных саксов было настолько сильным, что в 871 году было заключено перемирие, и датчане снова обратили свое внимание на Мерсию. Лондон был вынужден дорого выкупить себя, и была найдена монета в хаттан, вероятно, отчеканенная в Лондоне в то время. После поспешного визита в Нортумбрию здесь поселились на зиму 872-3 годов в Торкси в округе Линдси, откуда в 873 году переехали в Рептон в Дербишире. Они свергли Бурхреда из Мерсии и установили его дурацкое правление как марионеточного правителя этого королевства. Зимой 874-5 гг. здесь силы разделились: одна часть под командованием Хальфдана направилась в долину Тайны, другая под командованием Гутрума (О.Н. Гудормра) - в Кембридж.

В 876 году Хальфдан разделил земли Нортумбрии между своими последователями, которые вскоре вспахали и возделали их. В то же время они не забыли своих старых занятий. Совершались набеги на пиктов и валлийцев Стратклайда, в то время как Хальфдан вскоре оказался вовлечен в великую борьбу, происходившую в то время в Ирландии между скандинавами и датчанами. В конечном итоге это привело к его смерти в 877 году (v. ниже, стр. 58).

Тем временем в Уэссексе продолжалась борьба. В 875 году Альфред захватил семь датских кораблей. В 876 году южная дивизия здесь проскользнула мимо западносаксонского *фурда* и достигла Уэрхема в Дорсетшире, но пришла к соглашению с Альфредом. Хотя мир был со всей торжественностью заключен на их священном алтарном кольце, конная часть *здешних* людей снова соскользнула и обосновалась в Эксетере. Их сухопутные войска были поддержаны параллельным движением флота. В Эксетере Альфред заключил с ними мир, и *здесь* вернулись в Мерсию. Там половина земель была разделена между датчанами, в то время как южная половина осталась в руках Кеолвульфа.

Альфред достиг пика своего благосостояния, когда *here* вернулись в Уэссекс зимой 877-8 годов, отправили многих жителей в изгнание за море и добились покорности остальных, за исключением короля Альфреда и нескольких последователей, которые нашли убежище на острове Ательни среди Сомерсетширских болот. Вскоре Альфред собрал вокруг себя силы, с которыми смог выступить из своей крепости и в конечном итоге нанести датчанам крупное поражение при Эдингтоне близ Уэстбери. Теперь они заключили с Альфредом Уэдморский мир и согласились покинуть королевство Альфреда, пока их король Гутрум не примет христианское

крещение. Они удалились сначала в Сайренсестер, а затем в Восточную Англию. Здесь они поселились, разделив землю, как они это делали в Нортумбрии и Северной Мерсии. Между Альфредом и Гутрумом Восточной Англии был заключен мир, определяющий границу между их королевствами. Он должен был пролегать вдоль устья Темзы до устья Леа (в нескольких милях к востоку от Лондона), затем вверх по Леа до ее истока возле Лейтон-Баззарда, затем прямо на север до Бедфорда, затем на восток вверх по Уз до Уотлинг-стрит где-то недалеко от Фенни или Стоуни-Стратфорда. С этого момента граница остается неопределенной, вероятно, потому, что королевства Альфреда и Гутрума перестали здесь пересекаться.

Теперь в Англии на протяжении примерно двенадцати лет царил мир. Альфред хорошо использовал этот промежуток времени для реорганизации своей армии и укрепления королевства в целом, так что, когда в 892 году нападения возобновились, он был гораздо лучше подготовлен к их отражению. Осенью того же года два флота, прибывшие из Франции, прибыли в Англию: один высадился в Лимене (между Хайтом и маршем Ромни), другой под руководством Хестена (O.N. Hásteinn) в Милтоне в Северном Кенте. Трудности Альфреда усугублялись тем фактом, что в течение следующих четырех лет датские поселенцы в Нортумбрии и Восточной Англии играли более или менее активную враждебную роль, как на суше, так и на море. Датчане проявили всю свою прежнюю мобильность и в серии рейдов не раз пересекали Англию — сначала в Баттингтоне на реке Северн (колорадо). Монтгомери), затем в Честер и в третий раз в Бриджнорт в Шропшире. Они столкнулись с неизменно решительным и хорошо организованным сопротивлением под руководством Альфреда, его сына Эдуарда Старшего и его шурина Этельреда Мерсийского, и в конце концов им пришлось отступить, так и не захватив новых территорий. По большей части они распределились среди датчан Восточной Англии и Нортумбрии, но те, у кого не было скота, которым можно было бы запасти свою землю, сели на корабль и отплыли обратно в Сену. Во время правления Альфреда больше не было нападений из-за границы, но пиратские набеги датчан из Восточной Англии и Нортумбрии доставляли ему немало хлопот, и, чтобы противостоять им, он определенно обратился к давно откладывавшейся задаче оснащения флота. Суда были тщательно спроектированы в соответствии с собственными идеями Альфреда: они были больше, быстрее и устойчивее датских судов и вскоре показали свою состоятельность, когда датчане потеряли более 20 судов с экипажами за один год. Интересно отметить, что на этих судах частично работали фризские моряки, вероятно, из-за низкого уровня развития английского мореплавания.

Когда однажды притязания Эдуарда Старшего на трон были твердо подтверждены в битве при "Холме", где-то в Южном Кембриджшире, он начал, при активном содействии своего шурина Этельреда, олдермена Мерсии, великую работу по укреплению господства англичан в Южной Мерсии, готовясь к попытке отвоевать Данелаг. Честер был перестроен в 907 году. В 910 году был построен форт в Бремсбирге, возможно, Бромсберроу в Глостершире. Этельред умер в следующем году, но его жена Этельфлед, "Леди Мерсии", продолжила его дело, и в 912 году были построены форты в Скергите, возможно, в Шрусбери, в Бриджнорте на реке Северн, в Тамворте и в Стаффорде. В 914 году был укреплен Уорик, а в 915 году были построены форты в Чирбери в Шропшире и Ранкорне в Чешире.

После смерти Этельреда Эдуард взял Лондон и Оксфорд, а также прилегающие к ним части Мерсии в свои руки. Два форта были построены на северной и южной сторонах Леа в Хартфорде в 911-12 годах и еще один в Уитеме на реке Блэкуотер в Эссексе. Работа Эдуарда вскоре принесла плоды, поскольку мы читаем, что в том же году большое количество тех, кто находился

под властью Дании, теперь подчинились королю. Датчане в Пяти округах забеспокоились из-за продолжающегося наступления англичан, и дважды в 913 году они совершали набеги из Лестера и Нортгемптона до Хук-Нортон в Оксфордшире и Лейтон-Баззарда, в то время как в следующем году Эдуард, впервые за время своего правления, был потревожен налетчиками из-за границы. Выйдя из Бретани, они поднялись вверх по реке Северн, разорили Южный Уэльс и округ Архенфилд в Херефордшире, но ничего не смогли сделать против гарнизонов Глостера, Херефорда и других соседних городов, которые, по-видимому, уже были укреплены. Они были вынуждены покинуть этот район, и Эдвард так тщательно следил за побережьем Сомерсета, Девона и Корнуолла, что они не смогли совершить эффективную высадку, хотя дважды пытались - в Порлоке и в Уотчете. В конце концов они обосновались на островах Флэтхолм и Стипхолм в Бристольском проливе, но нехватка продовольствия вскоре вынудила их уехать в Ирландию в голодном состоянии. В том же году Эдуард построил два форта в Букингеме, по одному на каждой стороне Уз, и его политика снова нашла быстрое оправдание, когда граф Терсител (О.Н. Доркелл) и все главные люди, которые "подчинялись"[5]Бедфорд вместе со многими из тех, кто "подчинялся" Нортгемптон, подчинились ему.

Теперь все было готово для мощного наступления против датчан. Дерби провалилось в 917 году, в то время как в следующем году "Лестер" уступил без борьбы. Их падение сопровождалось покорностью жителей Дербишира и Лестершира. В то же время жители Йорка заявили о своей готовности поступить на службу Мерсии. Эдуард укрепил Бедфорд в 915 году, Мэлдон и Таучестер в Южном Нортгемптоншире в 916 году. Снова датчане из Нортгемптона и Лестера попытались прорваться через неуклонно сужающееся кольцо фортов, и им удалось продвинуться на юг до Эйлсбери, в то время как другие из Хантингдона и Восточной Англии построили форт в Темпсфорде в Бедфордшире, недалеко от слияния рек Ивель и Уз. Они осадили форт в "Вигингамере" (неизвестен), но были вынуждены отступить. Эдуард собрал армию из ближайших гарнизонных городов, осадил, захватил и разрушил Темпсфорд (915). Осенью он захватил Колчестер, а датское покушение на Мэлдон провалилось. Эдуард теперь укрепил Таустер и получил в подчинение графа Терфрита (о.Н. Орред) и всех датчан в Нортгемптоншире, вплоть до Велланда. Хантингдон был оккупирован примерно в то же время, и кольцо фортов вокруг Восточной Англии привело к подчинению всего этого округа, а Кембриджшир заключил отдельный договор за свой счет. В 918 году Эдуард построил форт к югу от Стэмфорда и вскоре получил подчинение датчан Южного Линкольншира, а в том же году занял Ноттингем, построив форт и разместив в нем смешанный английский и датский гарнизон. Теперь он был правителем всей Мерсии из-за смерти своей сестры Этельфлед, а в 919 году он укрепил Телволл в Чешире, на Мерси, и восстановил старый римский форт в Манчестере. В 920 году он построил второй форт в Ноттингеме и еще один в Бейквелле в Дербишире. Отвоевание Данелага было завершено, и Эдуард теперь получил подчинение шотландцев, валлийцев Стратклайда, Регнольда (О.Н. Регнвальдра) из Нортумбрии, а также англичан, датчан и скандинавов. Датские поселенцы признали суверенитет западносаксонского короля и с тех пор стали частью расширенного Уэссекса, который укрепил свою власть над всей Англией к югу от линии, проведенной примерно от Хамбера до Ди.

Заявление Регнвальдра, короля Нортумбрии, и упоминание скандинавов нуждаются в некотором комментарии. После смерти Хальфдана в 877 году последовало семилетнее междоусобица, а затем, в соответствии с инструкциями, данными святым Кутбертом в видении

аббату Эадреду Карлайльскому, нортумбрийцы выбрали своим королем некоего Гутреда (О.Н. Гудред). Возможно, он был племянником покойного короля, правил до 894 года и был также известен как Кнут (O.N. Knútr). У нас есть монеты с надписью "Эльфред рекс" на аверсе и "Кнут рекс" на реверсе, что, по-видимому, указывает на некое верховенство короля Альфреда. Вместе с ними у нас есть несколько монет с надписью "Cnut rex" на аверсе и "Siefredus" или (Зиверт) на реверсе, а также другие, отчеканенные в "Ebroice civitas" (то есть Йорке), с единственной надписью "Siefredus rex". Этот последний король, по-видимому, был сначала подчиненным партнером, а затем, после смерти Гудреда, единоличным правителем Нортумбрии. На других монетах, относящихся примерно к тому же периоду и найденных в большом кладе Куэрдейл близ Престона, есть надпись "Ситрик идет", и есть веские основания полагать, что Сифредуса (О.Н. Сигред) и Ситрика (О.Н. Сигтригг) следует отождествлять с Сичфри и Ситриукком, которые как раз в это время упоминаются в ирландских анналах как соперничающие вожди скандинавов в Дублине. Идентификация важна, поскольку она показывает нам, что Нортумбрия теперь вступала в определенную связь со скандинавским королевством Дублин и что скандинавский элемент утверждал себя за счет датчан в Северной Англии.

Правление Сигреда и Сигтригга одинаково подошло к концу к 911 году, и мы больше ничего не знаем до 918 года, когда произошло новое вторжение из Ирландии под предводительством некоего Регнвальдра. Он одержал победу при Корбридже-на-Тайне и захватил Йорк в 919 или 920 году. Он разделил земли святого Кутберта между своими последователями, но умер в 921 году, в год своего подчинения власти Эдуарда. Ирландские летописи говорят о нем как о короле как белых, так и черных иностранцев, подчеркивая тем самым сложный характер поселения в Нортумбрии.

Другой лидер Ирландии, некто Сигтригг, сменил Регнвальдра на посту короля Нортумбрии. Он был в дружеских отношениях с Этельстаном и женился на его сестре в 925 году. Он умер в 926 или 927 году, а затем Этельстан взял Нортумбрию под свой контроль. Брат Сигтригга Гудред подчинился Этельстану, но после четырех дней пребывания при дворе короля Этельстана "он вернулся к пиратству, как рыба в море". И Сигтригг, и Гудред оставили сыновей, носящих имя Анлаф (О.Н. Олафр), и с ними у Этельстана и его преемников было много проблем. Анлаф Ситриксон жил в изгнании в Шотландии и постепенно организовал против Этельстана великую конфедерацию шотландцев, стратклайдских валлийцев и викингов, как датских, так и норвежских, Анлаф Годфрисон привел помощь из Ирландии, и началась великая борьба. Ход кампании неясен, но если место ее главного сражения, "Брунанбурх", отождествить с холмом Бирренсварк в юго-восточном Дамфрисшире, то может показаться, что Этельстан перенес войну на территорию противника. Результатом битвы стала полная победа войск Этельстана и его брата Эдмунда. Среди убитых были сын Константина, пять королей и семь ярлов. В "Англосаксонской хронике" есть стихотворение^[6], посвященное празднованию победы, и в нем ярким языком описывается поспешное возвращение Константина домой, оплакивание смерти его сына и стремительное бегство Анлафа Годфрейсона в Дублин. Англия была избавлена от величайшей опасности со времен короля Альфреда и его борьбы с Гутрумом.

У Этельстана больше не было проблем со скандинавами, и у нас есть свидетельства из других источников, что в какой-то момент его правления, вероятно, раньше, он обменялся посольствами с Гарольдом Прекрасноволосым, королем Норвегии. Последний прислал ему в подарок корабль с золотым носом и пурпурными парусами и обычным бастионом из щитов вдоль планшира, в то время как любимый сын Гарольда Хакон воспитывался при дворе

Этельстана. Там он был крещен и получил образование и известен в скандинавской истории как Хакон Адалштейнсфостри.

После смерти Этельстана Анлаф Ситриксон по прозвищу Куаран (то есть с кожаным носком, названным так из-за его ирландской одежды) прибыл в Англию и захватил Йорк. Оттуда он предпринял попытку завоевать датский район из Пяти Боро. Кажется, он прибрал к рукам значительную часть Мерсии, но в конце концов Эдмунд освободил датчан от норвежского гнета и снова взял в свои руки всю Мерсию к югу от линии от Доре (близ Шеффилда) до Уайтуэлла (Дербишир) и оттуда до Хамбера. Эдмунд и Анлаф пришли к соглашению, но в 943 году Анлаф был изгнан нортумбрийцами, а в следующем году эта провинция перешла в руки Эдмунда. В 947 году Эрик Кровавый топор, сын Гарольда Прекрасноволосого, был признан нортумбрийцами королем. В скандинавской традиции мы узнаем, как он был изгнан из Норвегии в 934 году сторонниками Хакона, совершал набеги викингов на запад, был назначен Этельстаном правителем Нортумбрии при условии, что тот защитит ее от нападений, но не был в хороших отношениях с Эдмундом, который отдавал предпочтение некоему Олафу. Вероятно, Эрик ушел в отставку после смерти Этельстана и вернулся в Англию только в 947 году. В 948 году Эдмунд вынудил нортумбрийцев отказаться от его дела, и примерно в то же время Анлаф вернулся из Ирландии и правил примерно до 950 года, когда его сменил Эрик, чье короткое правление закончилось в 954 году. В том же году он был изгнан нортумбрийцами и убит в Стейнмуре в Уэстморленде. Попытка создать скандинавское королевство Нортумбрия провалилась, и с этого момента этот район находился непосредственно под властью английского короля. Английская власть снова стала верховной даже в тех районах, которые были в основном заселены скандинавскими поселенцами.

У Англии больше не было проблем со скандинавскими или датскими захватчиками до времен Этельреда Неготового, но как только этот слабый и опрометчивый король вззошел на трон, мы видим, что датчане с той готовностью и глубоким знанием местных условий, которые они всегда демонстрировали, предпринимает нападение на Саутгемптон, а норвежцы - на Честер. Однако возобновившиеся атаки были вызваны не только слабостью Англии, они также были результатом изменившихся условий в самой Скандинавии. В Дании правление Гарольда Блутуза подходило к концу, и молодое поколение, сознавая, что за ними стоит сильная и хорошо организованная нация, стремилось к новым и более масштабным завоеваниям, в то же время многие из них бунтовали против определенно христианской политики Гарольда в его преклонном возрасте. Они с надеждой обратились к его юному сыну Свейну и нашли в нем готового к действию лидера. В Норвегии граф Хакон откололся от сюзеренитета Гарольда Блутуза, но норвежцы не могли забыть, что он обязан своим тронном иностранной державе, и его личная резкость и распушенность, а также его ревностный культ старых языческих обрядов были причиной большого недовольства. Надежды молодого поколения были возложены на Олафа Трюгвасона, человека, преисполненного духа древних викингов. Захваченный пиратами из Эстонии, когда он был еще ребенком, он был обнаружен, выкуплен и доставлен в Новгород, где поступил на службу к великому князю Владимиру. Снабдив его кораблем, он отправился "викингом" в Балтийское море, а затем, десять лет спустя, мы находим его выдающимся среди скандинавов, напавших на Англию во времена короля Этельреда. В 991 году норвежский флот под командованием Олафа посетил Ипсвич и Мэлдон. Здесь они встретились с решительным сопротивлением, возглавляемым храбрым Бирнотом, графом Эссекским, и во фрагментарном

описании битвы при Мэлдоне[7], которое сохранилось до наших дней, мы видим, что в английской нации все еще оставалось много от духа героической эпохи даже во времена Этельреда II. Именно для того, чтобы откупиться от этого нападения, Данегельду была выплачена выплата в размере около десяти тысяч фунтов стерлингов. Из Мэлдона Олаф отправился в Уэльс и Англси, и где-то на западе он получил знания о христианской вере от отшельника и был крещен. Однако он не отказался от своей жизни викинга, а объединил усилия со своим великим датским современником Свейном Раздвоенной Бородой. Бамборо был разграблен в 993 году, и оба присутствовали при осаде Лондона в 994 году, когда они поднялись вверх по Темзе на 490 кораблях. Атака провалилась, и Олаф договорился с Этельредом, согласившись воздержаться от дальнейших атак в обмен на выплату Данегельда в размере шестнадцати тысяч фунтов стерлингов. Олаф был тем более готов дать это обещание, что теперь он был занят решением задачи обретения суверенитета над самой Норвегией. Многие норвежцы вернулись вместе с Олавом, но нападения на побережье продолжались, и захватчики, теперь в основном датчане, опустошали страну во всех направлениях. В английских войсках было широко распространено предательство, и олдермены снова и снова терпели неудачу в трудную минуту. Данегельду платили один за другим в тщетной надежде откупиться от дальнейших нападений, и почти невероятная сумма в 158 000 фунтов серебра (то есть около полумиллиона фунтов стерлингов) была выплачена Данегельду за период, длившийся немногим более 20 лет. Раз или два Этельред проявлял признаки энергии; один раз в 1000 году, когда флот был отправлен в Честер, который разорил остров Мэн, в то время как армия опустошала Камберленд, и снова в 1004 году, когда был подготовлен большой флот, но в конечном итоге оказался бесполезным. Худшим политическим ходом Этельреда был отданный в 1002 году приказ о резне в День Святого Брайса всех датчан, поселившихся в Англии. Его приказы были выполнены слишком точно, и среди убитых была сестра Свейна Гуннхильд, жена датского ярла, состоявшего на службе у короля. Месть Свейна была безжалостной, и в течение следующих десяти лет в стране не было мира, пока в 1013 году Этельред не был свергнут с трона, а сам Свейн не стал королем Англии. Свейн умер в 1014 году, и его сын Кнут унаследовал его права. *Витан* пригласил Этельреда вернуться, и в конечном итоге Уэссекс пал под натиском Кнута, в то время как округ Семи Боро (старые пять вместе с Йорком и Честером) и Нортумбрия перешли в руки Этельреда, или, скорее, его энергичного сына Эдмунда. Это разделение страны, в результате которого район, некогда заселенный датчанами и норвежцами, оказался под властью английского короля, в то время как само сердце Англии находилось во владении скандинавского короля, показывает, насколько полно поселенцы в этих районах стали отождествлять себя с интересами Англии в целом. Номинально Мерсия находилась во власти Этельреда, но ее старейшина, Эдрик Стреона, был самым вероломным из всех английских графов. После смерти Этельреда в 1016 году *витан* избрал Эдмунда Айронсайда королем, и произошла серия сражений, кульминацией которых стало сражение при Эшингдоне в Эссексе, где англичане потерпели полное поражение из-за предательства Эдрика. Теперь был произведен раздел королевства, в результате которого Уэссекс перешел к Эдмунду, Мерсия и Нортумбрия — к Кнуту - так легко была передана верность различных округов от одного суверена другому. Эдмунд прожил всего несколько месяцев, а затем Кнут стал королем всей Англии. В течение двадцати лет в стране царили мир и процветание. В 1018 году большая часть датской армии и флота вернулась в Данию, около сорока кораблей и их экипажей хватило Кнуту для защиты своего королевства. В течение следующих четырех лет он получил покорность короля Шотландии и совершил незабываемое паломничество в Рим. Однако самым важным

событием его последних лет была его борьба с Олафом Крепким, великим Святым Олафом Норвегии.

Теперь Норвегия была полностью независима от датского суверенитета, и когда Кнут отправил посольство с изложением старых претензий датских королей, он получил гордо независимый ответ от Святого Олафа. На какое-то время Книту пришлось удовлетвориться, но в 1025 году он отплыл с флотом в Норвегию, но потерпел поражение в битве при Хельге-аа (то есть Священной реке) в Скаане от объединенных сил Норвегии и Швеции. Три года спустя атака возобновилась. Энергичная и часто жестокая защита Олафом дела христианства оттолкнула многих его подданных, и шведы бросили своего союзника. В результате Олаф бежал в Россию, а Кнут был провозглашен королем Норвегии. Два года спустя изгнанник вернулся и пал, сражаясь против своих соотечественников. Кнут теперь был самым могущественным из всех скандинавских королей, но после его смерти в 1035 году его империя распалась; Норвегия отошла к его сыну Свейну, Дания - к Хартакнату, а Англия - к Гарольду Заячьей Лапе. Гарольду наследовал Хартакнут в 1040 году, но ни один из королей не был того же происхождения, что Кнут, и они оба были омрачены великим Годвином, графом Уэссекским. Когда Хартакнут умер в 1042 году, мужская линия, ведущая происхождение от Кнута, вымерла, и хотя некоторые датчане выступали за выбор сына сестры Кнута Свейна, Годвин добился избрания Эдуарда Исповедника. С воцарением Эдуарда датскому правлению в Англии пришел конец, и, за исключением амбициозной экспедиции Гарольда Хардрады, сорванной на Стэмфорд Бридж в 1066 году, больше не возникало серьезных вопросов о скандинавском королевстве ни в Англии, ни над ней.

Страдания Англии во время второго периода вторжения (980-1016) были, вероятно, столь же тяжелыми, как и в худшие дни правления Альфреда — хорошо известная *книга "Сермо Лупи по-английски"*, написанная архиепископом Йоркским Вульфстаном в 1014 году, рисует ужасную картину царивших тогда хаоса и анархии, — но мы должны помнить, что ни эти годы, ни последующие тридцать пять лет датского правления не оставили в Англии такого глубокого следа, как предыдущие войны и возникшие в результате них поселения. Не было дальнейшей постоянной оккупации или раздела территории, и хотя некоторые графства и крупные поместья перешли в руки сторонников датского короля, не произошло никаких изменений во всей социальной жизни народа, подобных тем, которые произошли в старых округах Данелага.

СНОСКИ:

[5] Эта фраза неоднократно используется в Хронике в связи с такими городами, как Бедфорд, Кембридж, Дерби, Лестер и Нортгемптон, и не может быть никаких сомнений в том, что эти группы представляют графства, которые теперь получили свои названия от этих городов. Для удобства мы впредь будем называть такие группы "графствами".

[6] Смотрите перевод Теннисона.

[7] Перевод этого стихотворения можно найти в *"Истории древнего английского для детей"* Фримена.

ГЛАВА IV

ВИКИНГИ Во ФРАНКСКОЙ ИМПЕРИИ до ОСНОВАНИЯ НОРМАНДИИ (911)

850-865 годы были, пожалуй, самыми несчастливыми за всю историю страданий Франкской империи от нападений викингов. Датчане теперь занимали более или менее постоянные квартиры, часто сильно укрепленные, на Шельде, Сомме, Сене, Луаре и Гаронне, в то время как Утрехт, Гент, Амьен, Париж, Шартр, Тур, Блуа, Орлеан, Пуатье, Лимож, Бордо и многие другие города были разграблены, часто по несколько раз. Когда Хререкр получил от молодого Харекра из Дании уступку определенных районов между Эйдером и морем, он устроил беспорядки в этом направлении и поплыл вверх по Эльбе и Везеру. Его племянник Гудред оккупировал Фландрию и нижнюю долину Шельды.

Помимо этих вождей викингов, которые действовали в Нидерландах, у нас есть имена нескольких других, которые были заняты в самой Франции. Самыми известными из них были сыновья Рагнара Лодрока. Берно, впервые появившийся на берегах Сены в 855 году, был Бьерном Айронсайдом, хотя вполне возможно, что сопровождавшим его Сидроком был Сигурд Змеинный глаз, еще один сын этого знаменитого вождя. С Бьерном, по крайней мере, согласно нормандской традиции, пришел Хастингус (О.Н. Хастейн), его приемный отец. Хастейну была суждена долгая и активная карьера. Впервые мы слышим о нем в летописях в 866 году, когда он появился на Луаре, и именно он был одним из главных руководителей великого датского вторжения в Англию в 892-4 годах. Внезапное появление этих лидеров, несомненно, было связано, как предполагалось в предыдущей главе, с поворотом событий в Дании в то время. В течение 854 года революции на Францию вообще не совершалось никаких нападений, а затем сразу после этого хлынул поток захватчиков. Сена никогда не была свободной с 855 по 862 год, и в районе Луары положение было немногим лучше. О беспокойном и опустошенном состоянии страны можно судить по многочисленным королевским указам, призывающим тех, кто был изгнан со своей земли, к защите тех, у кого они нашли убежище, и освобождающим их от уплаты обычных налогов. Многие даже отказались от своей христианской веры и стали поклоняться богам язычников. Трудности Карла Лысого значительно усилились из-за проблем с престолонаследием как в Бретани, так и в Аквитании. То один, то другой претендент вступал в союз с норманнами, и сам Карл часто был нарушителем в этом отношении. Он инициировал губительную политику откупа от нападения выплатой крупных сумм из того, что в Англии называли бы Данегельдом. В 859 году произошел инцидент, который проливает любопытный свет на состояние страны. Крестьяне между Сеной и Луарой восстали по собственной воле и напали на датчан в долине Сены. Не совсем ясно, что последовало за этим, но восстание провалилось, и, возможно, оно было подавлено самими франкскими дворянами, которые боялись чего-либо подобного народному восстанию, предпринятому без ссылки на их собственную власть. В любом случае, этот инцидент свидетельствует об отсутствии надлежащего руководства со стороны знати.

После 865 года началась волна вторжений из Франции в Англию. Это были годы великой борьбы Альфреда, и усилия Дании были сосредоточены на попытке подчинить этого монарха. Сами франки начали осознавать необходимость более тщательно организованного сопротивления. Они начали строить укрепленные мосты через реки в определенных местах, чтобы остановить

проход кораблей викингов, а также укрепили несколько своих поселков, тем самым, возможно, дав намек на политику, позже принятую в Англии Эдуардом Старшим. Вероятно, франки были не прочь поучиться у своих врагов фортификации, поскольку последние уже показали себя признанными мастерами этого искусства в таких укрепленных лагерях, как Жефосс на Сене. Датчане показали себя готовыми адаптироваться к новым боевым условиям и с другой стороны. Они не только строили крепости, но мы слышим о них как о конных, и с тех пор лошади играли важную роль в их снаряжении как во Франции, так и в Англии.

За эти годы викинги совершили одну заметную экспедицию, выходящую далеко за рамки обычной сферы их деятельности. Выйдя из Сены в 859 году под предводительством Бьерна и Хастейна, они обогнули Пиренейский полуостров через Гибралтарский пролив. Они высадились в Марокко и увели в плен многих мавров, или "синих людей", как они их называли. Некоторые из них добрались до Ирландии и упоминаются в некоторых ирландских летописях того периода. После новых нападений на Испанию они отплыли на Балеарские острова и Руссильон, откуда проникли до Арль-сюр-Тек. Они перезимовали на острове Камарг в дельте Роны, а затем совершили набег на старые римские города Прованса и поплыли вверх по самой Роне до Валанса. Весной следующего года они отплыли в Италию. Они захватили Пизу и Луну (в устье Магры), причем последняя была взята с помощью хитроумной стратегии. Хастейн притворился смертельно больным и был крещен епископом Луны во время перемирия. Затем пришло известие, что Хастейн мертв, и викинги попросили похоронить его по-христиански. Разрешение было дано, и мнимая похоронная процессия вошла в город. На самом деле это была переодетая банда вооруженных людей, и вскоре город был захвачен. Настоящей целью викингов в этой кампании был захват Рима с его несметными сокровищами, но по какой-то неизвестной причине они не продвинулись дальше на юг. Скандинавская традиция гласит, что это потому, что они приняли Луну за Рим и думали, что их работа уже выполнена! Проплыв обратно через Гибралтарский пролив, они вернулись в Бретань в 862 году. К этому времени викинги почти окружили Европу своими нападениями, поскольку именно в 865 году шведские росы (русские) осадили Константинополь.

Когда Альфред заключил окончательный мир с датчанами в 878 году, те, кто не желал оседать на постоянной основе, вернулись к своей прежней бродячей жизни. Они поднялись вверх по Сомме и Шельде, и их продвижение не было остановлено блестящей победой, одержанной молодым Людовиком III в июне 881 года при Соукуре, недалеко от Соммы, победой, которая отмечается в знаменитом *Людвигследе*. В те же годы другое войско викингов вторглось в Саксонию, одержав решающую победу над герцогом Бруно на Люнебургской пустоши. После поражения при Соскуре основные силы датчан направились к Эльслоо на Маасе, откуда они разорили районы Мааса, Рейна и Мозеля, разграбив Кельн, Бонн, Кобленц, Ахен, Трев и Мец. Император Карл Толстый был настолько встревожен, что вступил в переговоры с датским королем Гудредом, находившимся с войсками при Эльслоо. Он добился принятия Гудредом христианства и обещания безопасности от дальнейших нападений ценой крупной выплаты Данегельда и уступки Гудреду провинции, некогда принадлежавшей Хререкру, с большими дополнениями. Точный размер гранта неизвестен, но он включал округ Киннем (вокруг Алкмара и Харлема) и, вероятно, охватывал большую часть современной Голландии от Вли до Шельды. Здесь Гудред жил в условиях полунезависимости и, возможно, основал бы еще одну Нормандию в составе империи, если бы его не погубили слишком большие амбиции. Ему совершенно не удалось защитить свою провинцию от нападений, более того, он, вероятно, оказывал им тайную поддержку; он интриговал с Гуго, внебрачным сыном Лотаря II, против

императора, женился на его сестре Гисле, а затем попросил дополнительные территории на Рейне и Мозеле под предлогом того, что в его собственной провинции не было виноградарских районов. Теперь Гудред перешел все разумные границы: император вступил с ним в переговоры, но добился его смерти в результате предательства, когда была назначена встреча близ Клеве. С падением Гудреда датскому правлению во Фризии пришел конец, и хотя мы слышим о единичных нападениях даже в первые годы 10 века, более серьезных проблем в этом районе не было.

Осенью 882 года, несомненно, воодушевленные известием о смерти Людовика III, датчане вернулись с Мааса во Фландрию и в течение следующих трех лет разоряли Фландрию, Брабант и Пикардию, прочно обосновавшись в Лувене. В 885 году они покинули эти районы и поплыли вверх по Сене после девятилетнего отсутствия. В ноябре они достигли Парижа с боевыми силами численностью около 30 000 человек и флотом из 700 судов. Переход вверх по реке был остановлен укрепленными мостами, и осаждающим посчастливилось иметь в качестве предводителей двух людей с большими способностями и отвагой: сначала Гозлена, аббата Сен-Жерменского, а позже графа Одо Парижского. Положение Парижа временами было отчаянным. Датчане были раздражены надежной обороной и в своем стремлении грабить дальше вверх по реке протащили многие из своих кораблей примерно на две мили по суше мимо Парижа и таким образом достигли верховьев Сены. Позже, в результате мирных переговоров, они получили разрешение пройти по мостам при условии, что они только разорят Бургундию, оставив нетронутыми районы Сены и Марны; таким образом, провинции Франкской империи потеряли всякое ощущение корпоративного союза. Вскоре датчане продвинулись так далеко на запад, что достигли Вердена. Однако здесь они потерпели сокрушительное поражение от Одо, ныне короля Западных франков (июнь 888 г.), и в следующем году они, наконец, сняли осаду Парижа и направились в Бретань.

В Бретани они обнаружили другую армию, уже занятую делом. Бретонцы одержали великую победу осенью 888 года, когда только 400 из примерно 15 000 датчан вернулись к своему флоту. Великий здесь с Сены теперь объединил силы с остатками этой армии, но оказался бессилен против герцога Алана, и некоторые вернулись во Фландрию в 890 году, в то время как Хастейн с остальными отплыл на Сомму. Датчане во Фландрии были разбиты Арнульфом (впоследствии императором) на реке Дайл, близ Лувена, в 891 году, но это не имело большого эффекта, поскольку вскоре после этого мы снова находим их далеко на востоке, в Бонне. Неурожай летом 892 года привел за собой массовый голод, и это было более эффективным способом избавления страны от захватчиков. Осенью того же года вся армия, лошади и все остальное, переправилась одним переходом примерно на 250 кораблях из Булони в устье реки Лимен в Кенте, и вскоре после этого Хастейн с флотом из 80 кораблей покинул Сомму и отплыл в Милтон в Северном Кенте. История тамошних кампаний уже была рассказана. Впервые с 840 года Франкская империя была свободна от захватчиков. Какими бы тяжелыми ни были потери франков, хорошо помнить, что потери датчан тоже были велики. Их флот сократился с 700 до 250 кораблей, а поскольку вся армия все еще могла отправиться в Англию за один переход, она также должна была сократиться с тридцати до десяти или пятнадцати тысяч человек.

Когда английское вторжение потерпело неудачу, те, кто не смог обосноваться в Англии, снова вернулись в свои французские убежища. Небольшой отряд из восьми кораблей и около 200 человек поплыл вверх по Сене под командованием одного "Хундея", и постепенно их численность увеличивалась за счет вновь прибывших из-за границы. Они направились на север

к Маасу, на юг к Луаре и на восток к Бургундии, но их штаб-квартира находилась в низовьях Сены. В 903 году на Луаре появились другие захватчики под предводительством Барета (О.Н. Бард) и Эрика (О.Н. Эйрик). Имя Бард неоднократно упоминается в современной истории скандинавов в Ирландии, и поскольку скандинавы были изгнаны из Дублина в 902 году, вполне вероятно, что эти захватчики пришли оттуда. Экспедиция не увенчалась успехом, и викинги вскоре снова уплыли. Об истории поселенцев на Сене после 900 года мы, к сожалению, практически ничего не знаем. Нормандский историк Дудо попытался в 11 веке дать связный отчет, но его повествование сбивчиво и ненадежно. Одо был мертв, а Карл Простодушный больше интересовался завоеванием Лотарингии, чем защитой Нейстрии. Духовенство устало от непрекращающегося разграбления монастырей и стремилось обратить язычников, в то время как знать, как обычно, была эгоистична и безразлична к интересам страны в целом. Между 900 и 910 годами норманны не предпринимали крупных экспедиций, но прочно удерживали Нижнее течение Сены и районы Бессен и Котантен. Они не могли расширить свои территории, а франки не могли изгнать их от Сены. В конце концов, в основном благодаря вмешательству духовенства, была организована встреча между Карлом и вождем викингов Ролло в Сен-Клер-сюр-Эпте перед концом 911 года. Здесь провинция, позже известная как Нормандия (включая графства Руан, Лизье, Эвре и район между реками Бресл и Эпте и морем), была передана Ролло и его последователям в качестве *бенефиция* при условии, что он защитит королевство от нападения и сам примет христианство. Датчане теперь составляли определенную часть Франкского королевства и занимали положение, аналогичное положению их соотечественников в Восточной Англии, Нортумбрии и Мерсии в Англии, за исключением того, что последняя после периода свободы со временем окончательно перешла под английское правление.

История основания Нормандии неясна: еще более неясны происхождение и история вождя норманнов того времени. Норвежская традиция, переданная Снорри Стурлусоном, делает Ролло одним из Хрольфов, сыном Регнвальда, графа Мера, который был изгнан Гарольдом Прекрасноволосым и вел жизнь викинга на западе. Нормандская традиция, обнаруженная у Дудо, делает его сыном знатного датчанина, который был изгнан королем и позже отправился в Англию, Фризию и Северную Францию. Рассказ Дудо об основании Нормандии настолько полон четко доказанных ошибок, что на его рассказ о происхождении Ролло мало можно полагаться. *Традиция Хеймскрингла* была записана гораздо позже, но, вероятно, заслуживает большего доверия, и не было бы ничего странного в том, что мужчина норвежского происхождения возглавил датское войско. Рагнар Лодрук и его сыновья были скандинавами по происхождению, но по большей части они фигурируют как вожди датчан. Как Ролло стал лидером датчан во Франции и какой была его предыдущая карьера, должно оставаться неразгаданной тайной. Его имя не упоминается отдельно от поселения в Нормандии.

Норманны продолжали безостановочно опустошать Бретань, и вскоре им были предоставлены дополнительные районы Байе, Сиз, Авранш и Кутанс, что сделало Бретань и Нормандию схожими.

ГЛАВА V

ВИКИНГИ В ИРЛАНДИИ Перед БИТВОЙ При КЛОНТАРФЕ (1014)

В истории викингов Ирландии мы видели, как попытка Турджеса подчинить всю Ирландию одному правителю потерпела крах из-за его смерти в 845 году. Поначалу это, кажется, повергло скандинавов в замешательство, и мы слышим о серии поражений. Затем, в 849 году, вторжения перешли в новую фазу. До сих пор, хотя ирландцы были ослаблены многочисленными междоусобицами, их враги действовали единым умом и сердцем. Теперь мы читаем о "морской экспедиции семи десятков чужеземцев, прибывших, чтобы осуществить власть над чужеземцами, которые были до них, так что впоследствии они потревожили всю Ирландию". Это означает, что датчане теперь принимали активное участие во вторжениях в Ирландию, и вскоре мы обнаруживаем, что они оспаривают превосходство с более ранними норвежскими поселенцами. Полный и живописный отчет об этой борьбе сохранился для нас во втором *изтрех фрагментов ирландских анналов*, скопированных Дугалдом Макфирбисом. К сожалению, хронология этих летописей находится в крайне запутанном состоянии, и часто бывает трудно проследить точную последовательность событий.

Когда норвежцы впервые увидели приближающийся флот, они были сильно встревожены. Некоторые говорили, что это было подкрепление из Норвегии, но другие, более проникательные, утверждали, что это были датчане, пришедшие грабить. Было отправлено быстроходное судно, чтобы выяснить, кто они такие, и когда рулевой окликнул их, спрашивая, из какой страны они прибыли и друзья они или враги, единственным ответом был ливень стрел. Последовала ожесточенная битва, в ходе которой датчане убили втрое больше своих же соплеменников и увели женщин и имущество скандинавов. В 851 году они разграбили норвежские поселения в Дублине и Дандолке, но в следующем году норвежцы напали на них в Карлингфорд-Лох. Сначала датчане потерпели поражение, но затем их предводитель хитроумно убедил своих людей заручиться их молитвами и милостыней за покровительство святого Патрика, который был разгневан на скандинавов из-за множества злодеяний, которые они совершили в Эрине. Битва возобновилась, и датчане одержали победу. После битвы они преподнесли богатые дары святому Патрику, поскольку "датчане были народом со своеобразным благочестием: они могли какое-то время воздерживаться от мяса и женщин". После битвы мы узнаем, что датчане готовили свое мясо в котлах, установленных на телах их мертвых врагов. Датчане теперь помогали Цербалу, королю Оссори, в борьбе со скандинавами, которые разоряли Мюнстер, и с тех пор мы снова и снова слышим, как различные ирландские группировки использовали разногласия между захватчиками в своих собственных целях.

Дело еще больше осложнялось тем фактом, что многие ирландцы отказались от своего христианского крещения и присоединились к норвежцам в их грабежах. Эти мятежные ирландцы были известны как гейл-гэдхил (то есть иностранные ирландцы) и сыграли важную роль в войнах следующих нескольких лет. Гейл-гэдхилы, несомненно, были расой смешанного норвежского и гэльского происхождения, и мы не должны воображать, что они возникли внезапно в это время. Задолго до этого скандинавы и гэлы, должно быть, имели значительные мирные отношения друг с другом в своих различных поселениях, и в соответствии с устоявшимися скандинавскими обычаями, по-видимому, многие ирландцы воспитывались в качестве приемных детей в скандинавских семьях и вскоре должны были научиться принимать их религию и обычаи. Существовали также многочисленные смешанные браки между

скандинавами и ирландцами. В летописях говорится о нескольких таких союзах, самым известным из которых является брак Гормфлайт, впоследствии жены Брайана Борумы, с Анлафом Ситрикссоном, в то время как в генеалогиях норвежских поселенцев в Исландии в конце этого столетия часто встречаются гэльские имена. Одним из самых известных лидеров этих "иностранцев ирландцев" был Кетилл Финн (то есть Белый), норвежец с ирландским прозвищем. Эти ирландцы-иностранцы сражались либо на стороне иностранцев, либо за свой счет, и у нас есть интересная история, рассказывающая о том, как, когда викинги из Ирландии совершили вторжение в Чешир (около 912 г.), Этельфлед, леди Мерсии, отправила послов к тем ирландцам, которые сражались на стороне захватчиков, призывая их оставить язычников и вспомнить старую доброту, проявленную в Англии к ирландским солдатам и духовенству.

Разногласия между норвежцами и датчанами, вероятно, были причиной прибытия в Ирландию в 853 году Амхлеба, сына короля Норвегии, чтобы принять покорность иностранцев. Этот Амхлейб - Олаф Белый из скандинавской традиции. Олаф представлен правящим вместе со своим братом Имхаром (О.Н. Иварр). Летописи не являются хорошим источником сведений об отношениях норвежских вождей друг с другом, и вполне возможно, что Иварр на самом деле Иварр Бескостный, сын Рагнара Лодброка. Под сильным правлением Олафа и Иварра Дублин стал главным центром скандинавского владычества в Ирландии, и датчане и скандинавы в какой-то степени примирились друг с другом. Ирландцы понесли большие потери, но нашлось несколько храбрых вождей, которые смогли противостоять скандинавам. Сеннедай, король Лейкса (графства Королевы), наткнулся на их отряд, нагруженный добычей; они бросили добычу и бросились на Сеннедай с гневными варварскими криками, трубя в свои трубы, и многие из них кричали *нуу*, *нуу* (то есть, вероятно, на древнескандинавском наречии, *knúi*, *кнуу*, "спеши, спеши"). Было брошено много дротиков и копий, и, наконец, они взялись за свои тяжелые мощные мечи. Однако все было бесполезно, и Сеннедай одержал великую победу. Менее удачлив был Мальсиарин, "чемпион востока Ирландии и герой-грабитель чужеземцев". Он был изгнан из своего королевства лейнстерами, которые завидовали ему из-за его многочисленных побед над норвежцами!

Деятельность Олафа и Иварра не ограничивалась Ирландией. В 866 году Олаф нанес визит в Шотландию, а в 870 году и Олаф, и Иварр присутствовали при осаде Думбартона. Если Иварр - это Иварр Бескостный, то он, должно быть, отправился в Англию и принял участие в мученической смерти святого Эдмунда. В следующем году оба лидера вернулись в Дублин с большим количеством пленных — англичан, бриттов и пиктов. В 873 году умер Иварр, "король скандинавов всей Ирландии и Британии", и примерно в то же время Олаф вернулся в Норвегию, возможно, для того, чтобы принять участие в великой битве против Гарольда Прекрасноволосого в Хафрсфьорде. Датчане, похоже, воспользовались смещением Олафа, чтобы попытаться сбросить норвежское иго. Произошло новое сражение, и датчане под командованием Альбданна, то есть Хальфдана, короля Нортумбрии, потерпели поражение при Стрэнджфорд-Лох в 877 году, потеряв своего лидера.

После 877 года *Война гэдхилов с гейллами* отмечает период покоя для Ирландии, длившийся около сорока лет. Это верно в той мере, в какой за это время в Ирландию, по-видимому, не прибыло ни одного крупного флота свежих захватчиков - викинги были слишком заняты в других местах, как в Англии, так и во Франкской империи, — но время от времени совершались набеги из Дублина, Корка, Лимерика, Уотерфорда и других городов в различные районы Ирландии, и скандинавы часто враждовали между собой. Раздоры в Дублине были особенно жестокими и

настолько ослабили норвежское правление там, что в 902 году Дублин перешел в руки ирландцев. Викинги были изгнаны за границу, некоторые отправились в Шотландию, а другие - в Англию, где они осадили Честер (v. выше, стр. 57). В 914 году возобновились все старые смуты. Регнвальдр, внук Иварра, только что одержавший великую победу у острова Мэн, захватил Уотерфорд, а два года спустя Сигтригг, другой внук Иварра, вернул себе Дублин. Ирландцы пытались оказать сопротивление под предводительством *ардри* Найла Глундубха, но он пал вместе с двенадцатью другими королями в битве при Килмашоге близ Дублина в 919 году. В течение следующих пятидесяти лет Ирландия подвергалась непрерывным нападениям как норвежцев, так и датчан. К концу IX века Лимерик стал оплотом скандинавов на западе, и оттуда они направились вверх по реке Шеннон в самое сердце страны. Корк был заселен в первые годы 10 века, в основном датчанами, и оттуда весь Мюнстер был открыт для нападений. Уотерфорд и Уэксфорд, которые, как правило, находились в тесной связи с Дублином, служили центрами атаки против Лейнстера. Ирландцы оказали упорное сопротивление под руководством умелых лидеров, и Дублин не раз подвергался "разрушению". Первым среди этих лидеров стоит Муйрхертах "из кожаных плащей", сын Найла Глундубха, героя, выступившего примерно в 926 году. Его деятельность была непрестанной. Он неоднократно нападал на Дублин, водил флот к Гебридским островам, где разгромил викингов, получив много добычи, и, наконец, в 941 году совершил кругосветное путешествие по Ирландии, из которой привез в качестве заложников многих провинциальных королей, включая норвежского правителя Дублина. Еще более известным в ирландских песнях и сказаниях был Челлахан из Кахеля. Он воевал против викингов в Мюнстере и какое-то время контролировал норвежское королевство Уотерфорд. Аналогичным образом он завоевал Лимерик, и мы находим его сражающимся бок о бок со скандинавами из обоих этих городов. В течение этих пятидесяти лет норвежское королевство в Дублине поддерживало тесные отношения со скандинавским королевством Нортумбрия. Регнвальд, умерший в 912 году, правил там, как и его братья Сигтригг (ум. в 927 году) и Гудред (или Годфри) (ум. в 934 году). Братья оставили сыновей, известных соответственно как Анлаф Ситриксон и Анлаф Годфрейсон. Последний принимал участие в великой битве при Брунанбурхе и умер в 939 году. Анлафу Ситриксону была уготована более долгая карьера. Судя по всему, он провел свои ранние годы в Шотландии, где женился на дочери короля Константина. Неизвестно, сражался ли он при Брунанбурхе, но он прибыл в Нортумбрию в 941 году и захватил Йорк. Он был изгнан из Нортумбрии в 944 или 945 году и удалился в Дублин, а остаток своей жизни провел в основном в боях в Ирландии. Он был в тесном союзе со скандинавами в Мэне и на Западных островах и в течение примерно тридцати лет был самым могущественным норвежским правителем Ирландии. Затем последовал первый серьезный удар по норвежскому правлению в Ирландии. В 980 году Маэлсехлайнн II, *ардри*, одержал великую победу при Таре над иностранцами Дублина и Островов, на которых был убит сын Анлафа. Могущество Дублинского королевства было фактически подорвано. Норвежцы были вынуждены освободить всех находившихся у них заложников, заплатить штраф в 2000 волов и вернуть дань, которой они обложили всю Ирландию от реки Шеннон на восток до моря. Анлаф отказался от своей власти и удалился в паломничество на Иону, где в том же году скончался насельником тамошнего монастыря.

Тем временем в отдаленной части Ирландии постепенно развивались события, чреватые важными последствиями для норвежского правления в этой стране. В провинции Мюнстер далкассианская линия князей впервые получила известность примерно в середине 10 века, и двумя наиболее известными из этих князей были братья Матгамайн и Брайан, широко

известные как Брайан Борумха. Вместе братья завоевали Мюнстер, несмотря на поддержку, оказанную ирландцам поселенцами-викингами, и когда их успех взбудрил Иварра, правителя Лимерика, они напали на него и одержали великую победу при Салкоите близ Типперэри (968). Лимерик был захвачен, Матгамайн умер в 976 году, и вскоре Брайан был признан королем всего Мюнстера. Затем он стал хозяином Ленстера, но его быстрое продвижение привело его к конфликту с *ардри*, и по договору, заключенному в 998 году, Маэлсехлайнн практически передал южную половину Ирландии Брайану. Правителем Дублина в то время был Сигтригг из Шелковистой Бороды, сын Анлафа и Гормфлейт, сестры Маэлмордхи, короля Лейнстера. В 1000 году Лейнстер при поддержке норвежцев в Дублине поднял восстание, но Брайан разгромил их и захватил Дублин, выдав свою дочь замуж за Сигтригга, а сам женившись на Гормфлейт. В 1002 году Маэлсехлайнн подчинился Брайану, и последний стал *ардри*. Последовали двенадцать лет мира, но брак Брайана с Гормфлейтом погубил его. Поссорившись с мужем, она настроила против него Маэлмордху Лейнстерскую. Между Маэлмордой и Сигтриггом был заключен союз, и Гормфлейт отправил посольства во все поселения викингов на Западе, призывая их на помощь Сигтриггу в великой битве против Брайана. Сигтригг заручился помощью графа Оркнейских островов и Северной Шотландии Сигурда, пообещав стать королем Дублина. Корабли прибывали со всех уголков мира викингов: из Нортумбрии, с Мэна и Западных островов, из Шотландии и Оркнейских островов и даже из Исландии. Местом встречи был назначен Дублин, и Вербное воскресенье 1014 года должно было стать временем встречи. Брайан собрал все силы Мюнстера и Коннахта, и к нему нерешительно присоединился Маэлсехлайнн, который на самом деле ждал, в какую сторону повернется военная удача. Брайан продвинулся на равнину Фингалл, к северу от Дублина, и две армии противостояли друг другу в Клонтарфе всю Страстную неделю. Норвежцы узнали с помощью магических заклинаний, что если битва состоится до Страстной пятницы, их вожди погибнут, а их войска будут разбиты, в то время как если битва состоится в Страстную пятницу, погибнет сам Брайан, но ирландцы одержат победу. Поэтому они дождались пятницы, а затем предприняли атаку. Битва была долгой, а резня ужасной. Брайан и Сигурд сами были причислены к числу убитых. В конце концов норвежцы потерпели поражение, и Маэлсехлайнн довершил их разгром, зарубив беглецов, когда они пытались пересечь мост, ведущий в Дублин, и таким образом добраться до своих кораблей. Ни одно сражение не было более знаменитым в истории Ирландии, и, похоже, оно с такой же силой взывало к воображению скандинавов. Клонтарф и Брунанбург - две великие битвы викингов, которые упоминаются в скандинавских сагах, и в "Истории сожженного Ньяля"[8] у нас есть яркий отчет как о самой битве, так и о событиях, приведших к ней. Еще более интересным, возможно, является сохранившееся до нас древнее пение, *Песнь валькирий*, которые в тот же день были замечены в Кейтнесе, когда двенадцать человек вместе ехали к беседке, где устанавливали ткацкий станок, в котором головы людей были гирями, внутренности - основой и гав, а меч - челноком, а катушки - стрелами. Они сплели паутину войны и предсказали судьбу короля Сигтригга и ярла Сигурда, а также острую скорбь, которая постигнет ирландцев[9]. Скандинавский мир был полон этих и подобных им предзнаменований, и не может быть никаких сомнений в том, что викинги сами осознавали, что битва при Клонтарфе ознаменовала совершенно определенную эпоху в истории викингов на Западе и, в частности, в Ирландии. Скандинавы остались во владении своих городов, Сигтригг продолжал оставаться королем Дублина, но постепенно судьбы норвежских поселенцев, как правило, сливались с историей нации в целом, и больше не возникало вопроса о скандинавском господстве в Ирландии.

СНОСКИ:

[8] Английская версия сэра Г. У. Дасента.

[9] Эта песня, вероятно, была написана вскоре после событий, с которыми она связана, и впервые была переведена на английский поэтом Греем под названием "*Роковые сестры*".

ГЛАВА VI

ВИКИНГИ НА ОРКНЕЙСКИХ ОСТРОВАХ, ШОТЛАНДИЯ, ЗАПАДНЫЕ ОСТРОВА И ЧЕЛОВЕК

Когда викинги приплыли в Англию и Ирландию в конце VIII-начале IX веков, их самый естественный путь пролегал мимо Оркнейских и Шетландских островов и вокруг Западных островов Шотландии. Мы видели, как рано они основали поселения на Шетландских островах и вскоре достигли Оркнейских и Гебридских островов. С Оркнейских островов они переправились на материк, в Сазерленд и Кейтнесс — сами названия свидетельствуют о скандинавской оккупации, — в то время как Галлоуэй (то есть земля Гейл-Гэдхил, *в. выше*, стр. 56) был заселен с острова Мэн. Уже в 9 веке скандинавский элемент на Гебридских островах был настолько силен, что ирландцы называли острова *Инси-Галл* (то есть острова чужеземцев), а их жители были известны как Гейл-Гэдхил. Норвежцы называли острова *Судрейяр* (то есть Южные острова) в отличие от Оркнейских и Шетландских островов, которые были известны как *Нордрейяр*, и это название сохранилось в составном епископстве Содор и Ман, которое когда-то входило в состав архиепархии Тронхьема в Норвегии. Остров Мэн был разграблен почти так же рано, как любой из западных островов (*в. выше*, стр. 12), и, вероятно, норвежские поселения в Камберленде и Вестморленде были основаны Человеком. Олаф Белый и Иварр совершили не одну экспедицию из Ирландии в низменности Шотландии, и первый был женат на Аудре, дочери Кетилла Плосконосого, который стал величайшим вождем на Западных островах. После битвы при Хафрсфьорде, когда Гарольд Прекрасноволосый окончательно разгромил своих соперников в самой Норвегии, норвежские поселения на Западе были настолько могущественны, что он чувствовал, что его положение будет ненадежным, пока он не добьется их подчинения. Соответственно, он предпринял большую экспедицию на Шетландские острова, Оркнейские острова и западное побережье Шотландии, выполнил эту цель и доверил Северные острова Сигурду, брату Регнвальдра, графа Мера, как своему вассалу.

История норвежских поселений на Оркнейских островах хорошо и полно рассказана в *Оркнейской саге* [10]. Первым оркнейским графом был вышеназванный Сигурд. Он заключил союз с Торстейном Рыжим, сыном Олафа Белого, и вместе они завоевали Кейтнесс и Сазерленд, простиравшиеся на юг до реки Ойкел на границе Росса и Кромарти. Сын Сигурда Эйнар, известный как Торф-Эйнар, потому что он первым научил островитян рубить торф для топлива, основал длинный род графов Оркнейских островов. У него была ссора с Гарольдом Фэйрхейром, и когда этот король наложил штраф на островитян за убийство его сына, а фермеры не смогли его выплатить, Эйнар заплатил его сам при условии, что крестьяне откажутся от своих *одальных* прав, то есть права владения землями, которые они обрабатывали. Дерн-сын Эйнара, Сигурд Крепкий, был самым знаменитым из всех оркнейских графов,

известным и как воин, и как поэт. Он завоевал Сазерленд, Кейтнесс, Росс, Морей, Аргайл, Гебридские острова и Мэн, заручившись поддержкой жителей Оркнейских островов, вернув им их *одал*. Он женился на дочери Малькольма, короля Шотландии, и встретил свой конец, как мы уже видели, сражаясь на стороне язычников-скандинавов в битве при Клонтарфе в 1014 году. После этого власть оркнейских графов пришла в упадок. Норвежский род графов был заменен родом шотландцев в 1231 году, но острова окончательно перешли к шотландской короне только в 15 веке[11].

О норвежских поселениях на Гебридских островах у нас нет таких определенных или непрерывных сведений. В ирландских анналах середины 9 века упоминается король Гебридских островов — некий Гудред, сын Фергуса, — само имя которого указывает на то, что он был одним из гейл-Гэдхилов. Кетилл Финн (*против выше*, стр. 56) был еще одним таким человеком. Во второй половине IX века Кетилл Плосконосый был главным норвежским вождем на Гебридских островах, пока его власть не была разрушена Гарольдом Фэйрхером. Затем многие поселенцы перебрались в Исландию, самыми известными из них были Аудр глубокомысленная, вдова Олафа Белого и дочь Кетилля. Норвежское правление было всемогущим в 10-м и 11-м веках. Существовала династия королей, но мы находим правящих бок о бок с ними определенных должностных лиц, известных как "законники" (*в. ниже*, стр. 103), в то время как в конце 10-го и большей части 11-го века Гебридские острова находились под суверенитетом Оркнейских графов. Правление скандинавов на Гебридах окончательно прекратилось только в 1266 году, когда Магнус Хаконссон, король Норвегии, отказался от всех притязаний на острова.

Ранняя история поселений в Мэне столь же неясна. Сначала остров страдал от неоднократных набегов, затем примерно в середине IX века он перешел под власть королей Дублина и оставался таковым до тех пор, пока вместе с Гебридскими островами и Западной Шотландией в целом не был завоеван Сигурдом Оркнейским графом. От оркнейских графов оно перешло к великому завоевателю Годреду Кровану - королю Горри или Орри Мэнской традиции, — который происходил с Гебридских островов, и его преемники вплоть до передачи островов в 1266 году были известны как короли Мэна и островов.

О деталях заселения материковой части Шотландии, Кейтнесса, Сазерленда и Галлоуэя, об оккупации Камберленда и Вестморленда мы почти ничего не знаем, но когда мы позже поговорим о скандинавском влиянии в этих районах, мы поймем, насколько сильной была их власть над ними. Наши знания о норвежском населении Человека и Островов несколько скудны в деталях, но не может быть никаких сомнений в том, что их поселения на землях, часто очень напоминающих по физическим чертам их собственную родину, имели первостепенное значение.

СНОСКИ:

[10] Перевод на английский сэра Г. В. Дасента.

[11] Они были заложены королем Дании и Норвегии Кристианом I для выплаты приданого его дочери Маргарет Джеймсу III в 1460 году, и залог так и не был погашен.

ГЛАВА VII

ВИКИНГИ В ПРИБАЛТИКЕ И РОССИИ

Деятельность северян в эпоху викингов не ограничивалась землями к западу и югу от их первоначальной родины: Балтика была им так же знакома, как Северное море, ходить "викингами на восток" было почти так же распространено, как ходить "викингами на запад", а скандинавские поселения были основаны на берегах Балтики и далеко вглубь страны вдоль великих водных путей, ведущих в сердце России. Как и следовало ожидать, исходя из их географического положения, именно датчане и шведы, а не норвежцы, были активны в балтийских землях, датчане поселились в основном на Поморском побережье среди вендов, в то время как шведы заняли земли дальше на восток и основали скандинавское королевство Россия.

Уже в первые годы IX века мы находим датского короля Гудреда, который то ведет войну против своих славянских соседей в Мекленбурге-Шверине, то интригует с ними против императора. Упоминается более одного города на южном побережье Балтийского моря, носящего в основном скандинавское название, указывающее на существование обширных поселений. Интересное свидетельство этого движения на восток также можно найти в *Житии святого Анскара*. Там мы узнаем, как вскоре после 830 года датский флот захватил город в земле славян с большими богатствами, а в 853 году мы слышим, как шведы пытались отвоевать Курляндию, которая находилась под их властью, но теперь сбросила иго и стала добычей флота датских викингов — возможно, того самого, о котором только что упоминалось. Святой Анскар сам взялся за воспитание многих вендийских юношей, которые были доверены ему.

Это и другие свидетельства подготавливают нас к основанию в десятом веке наиболее характерного из всех поселений викингов - Йомсборга на острове Воллин в устье Одера. Согласно традиции, король Горм Старый завоевал великое королевство в Вендланде, но именно его сыну Гарольду Блютусу было приписано окончательное основание Йомсборга. В течение многих лет в Юлине на острове Воллин был важный торговый центр, где торговцы из Скандинавии, Саксонии, России и многих других стран собирались вместе, чтобы принять участие в богатой торговле между севером и югом, востоком и западом, которая проходила через Юлин, стоявший на одном из великих водных путей центральной Европы. Крупные находки византийских и арабских монет свидетельствуют об обширной торговле с Грецией и Востоком, которая проходила через Юлин, в то время как Зильберберг, на котором когда-то стоял Йомсборг, назван так из-за количества серебряных монет из Фризии, Лотарингии, Баварии и Англии, которые были найдены там. Несомненно, в надежде получить более полную долю в этой торговле Гарольд основал великую крепость Йомсборг и доверил ее защиту воинскому сообществу, которому он навязал строжайшие правила организации. История основания Йомсборга изложена в поздней и ненадежной *"Йомсвикингсаге"*, но, хотя мы должны отвергнуть многие изложенные там детали, вполне вероятно, что правила поселения, приведенные там, основаны на подлинной традиции, и они дают нам яркую картину жизни в сообществе воинов-викингов. Никто моложе восемнадцати или старше пятидесяти лет не был принят в их братство, и ни происхождение, ни дружба, только личная храбрость, не могли дать мужчине права на вступление. Никому не было позволено продолжать членство в организации, который произносил слова страха или бежал перед тем, кто был равен ему по оружию и силе. Каждый член общины был обязан отомстить за павшего товарища, как если бы он был его

братом. В общину не допускались женщины, и никто не должен был отсутствовать более трех дней без разрешения. Все новости должны были сообщаться в первую очередь их лидеру, а вся добыча должна была быть разделена на общую долю. Гавань Йомсборга могла вместить флот из 300 судов и была защищена молотом с двенадцатью железными воротами.

Йомсвикинги сыграли важную, хотя и бурную роль в делах трех скандинавских королевств в последние годы 10-го и начале 11-го века. Многие из них прибыли в Англию в свите короля Свейна, в то время как ярл Торкелл какое-то время находился на службе у Этельреда Неготового. Упадок Йомсборга как крепости викингов начался с его разорения Магнусом Добрым в 1043 году, но значение Юлина как торгового центра оставалось неизменным долгие годы.

Из Йомсборга сын Гарольда Блутуза Хакон совершил нападение на Замланд на крайнем востоке Пруссии, но реальная эксплуатация Восточной Прибалтики пришлась на долю шведов, что было естественно, а не датчан. Мы уже упоминали об их присутствии в Курляндии на берегу Рижского залива, и из шведских рунических надписей мы узнаем об экспедициях в Замланд, к Семгалли (в Курляндии) и к реке Дуна. Важный укрепленный порт Зеебург, вероятно, находился недалеко от Риги, в то время как главный торговый путь с острова Готланд пролегал вокруг мыса Домеснес (обратите внимание на скандинавское название) к устью Дуны.

Однако главную работу шведам предстояло выполнить в землях еще южнее, в сердце современной Российской империи в Европе.

История основания Русского царства сохранилась до нас в хронике монаха Нестора конца 10 века, который сообщает нам, что в 859 году "варяги" пришли из-за моря и взяли дань с различных финских, татарских и славянских народов, населявших лесные районы вокруг озера Ильмень, между Ладожским озером и верховьями Днепра. Он снова рассказывает нам, что в 862 году варягов изгнали за море и им было отказано в дани, но вскоре племена поссорились между собой, и некоторые предположили, что им следует найти князя, который мог бы править ими и поддерживать мир. Поэтому они послали за море к варягам, к "Руси", ибо так зовут этих варягов, точно так же, как других называют шведами, норманнами, англами, готами, говоря, что их земля велика и могущественна, но в ней нет порядка, и прося их прийти и править ими. Были выбраны три брата со своими последователями: старший, Рюрик (О.Н. Хререкр), поселился в Новгороде, второй - в Белоозере, третий - в Триворе в Изборске. Три года спустя двое братьев умерли, и Рюрик взял под свой контроль все поселения, разделив землю между своими людьми. В том же году двое последователей Рюрика, Аскольд (О.Н. Хескулдр) и Дир (О.Н. Дыри), отправившись в Константинополь, остановились в Киеве и там основали королевство, которое в 882 году было завоевано преемником Рюрика Олегом (О.Н. Хельги) и, как мать всех русских городов, стало столицей Русского царства.

В этой истории есть определенная *наивность*, характерная для монашеского хрониста в целом, и ясно, что, следуя обычной манере летописца, который составляет свои записи спустя долгое время после описываемых событий, Нестор сгруппировал под одной или двумя датами события, растянувшиеся на несколько лет, но существенная правдивость повествования не подлежит сомнению и получает многочисленные подтверждения из различных источников.

Самое раннее свидетельство присутствия этих "русов" в Восточной Европе содержится в рассказе о византийском посольстве к императору Людовику Благочестивому в 839 году (v.

выше, стр. 19), когда некий человек по имени "Рос", находившийся с визитом в Константинополе, прибыл в составе посольства и попросил разрешения вернуться домой через империю. Было проведено расследование, и было установлено, что эти "Ро" были шведами. Это указывало бы на присутствие "руси" в России в более ранний период, чем тот, который указан Нестором, и действительно, быстрое расширение их влияния указывает на период активности, значительно более длительный, чем тот, который он допускал. Эти "руси" или "росы" вскоре вступили в торговые и военные отношения с Византийской империей. У нас сохранились торговые договоры 911 и 944 годов, заключенные между "Русью" и греками, показывающие, что они привозили в Константинополь всевозможные меха, а также рабов, получая взамен различные предметы роскоши, включая золотые и серебряные украшения, шелка и другие богатые ткани. Имена сторон, подписавших эти договоры, на стороне "руси" почти полностью скандинавского происхождения, и в какой-то степени можно доказать, что они определенно шведского происхождения. Примерно в 950 году император Константин Багрянородный, написав трактат об управлении империей, описывает, как торговцы из разных частей России собираются в Киеве и плывут вниз по Днепру по пути в Константинополь. Их движение вниз по Днепру было затруднено серией порогов, и Константин дает их имена как в "русской", так и в славянской форме, и хотя греческая транскрипция этих имен чрезвычайно искажена, нет никакой ошибки в том, что "русские" имена на самом деле являются формами, принадлежащими к какому-то скандинавскому диалекту.

Русы также были хорошо известны как воины и налетчики. В 865 году они спустились по Днепру, пересекли Черное море и вышли в Мраморное. Их флот был рассеян штормом, но они добились большего успеха в 907 году, когда Олег примерно с 2000 кораблями напал на окрестности Константинополя и был откуплен большой данью. Эти нападения продолжались с интервалами в течение следующего столетия.

Мы также находим много интересной информации об этих "рус", как их называют, у различных арабских историков. Мы слышим, как они водили свои суда по главным водным путям и так прочно удерживали Черное море, что к 900 году оно уже было известно как Русское море. Часто они перетаскивали свои суда по суше из одного ручья в другой и таким образом проделывали свой путь от верховьев Дона вниз по Волге к Каспийскому морю. Но у нас есть не только описание их путешествий, мы также узнаем многое об их обычаях и поведенческих, и, хотя временами предоставленная информация вызывает подозрения, археологические исследования, как правило, подтверждают заявления этих историков и показывают, что цивилизация "русов" в целом была похожа на цивилизацию скандинавских народов в эпоху викингов.

Отождествление древней "Руси" со шведами долго и горячо оспаривалось славянскими патриотами, но сейчас существует общее единодушное мнение, что доказательства этого слишком убедительны, чтобы их можно было опровергнуть. У нас есть не только приведенные выше доказательства, но и сами названия "Русь" и "варяг", которые могут быть удовлетворительно объяснены только на основе этой теории. Название "Русь" - славянское, "Рос" - греческое, а "Рус" - арабская форма финского названия Швеции, а именно. Ruotsi. Первоначально это название произошло от *Ropr* или *Ropl*, названия некоторых районов Нагорья и Остергетланда, жители которых были известны как *Родс-карлар* или *Родс-мен*. Финны рано вступили в отношения со шведами, и они использовали имена тех людей, с которыми они

были в самом раннем и тесном контакте, для обозначения всей шведской национальности. Когда эти шведы поселились в России, финны применили тот же термин к новым колонистам, и позже этот термин вошел в различные славянские диалекты.

Нам больше всего знаком термин "варяг", если использовать славянскую форму, применительно к знаменитой гвардии византийских императоров, которая, по-видимому, была сформирована во второй половине 10 века и в основном состояла из норвежских, исландских и шведских рекрутов. С другой стороны, у русских и арабских историков этот термин используется скорее в этнографическом или географическом смысле. Мы видели, что именно так его использовал Нестор, и точно так же мы находим, что о Балтийском море обычно говорят как о "Варяжском" море как в русских, так и в арабских источниках. Все свидетельства указывают на то, что это было более раннее значение термина, и мы обнаруживаем, что оно постепенно вытесняет термин "Рос" даже у византийских историков. Само слово скандинавского происхождения и означает "те, кто связан клятвой". Теория, которая лучше всего объясняет различные варианты его использования, выдвинута доктором Вильгельмом Томсеном, а именно. что оно возникло у северян, поселившихся в России, то есть у древних русов, и что этим термином они обозначали те народы к западу от Балтики, которые были родственны им по национальности.

От русов слово перешло в славянский язык как *variag*^[12], в греческий как *barangoi*— где оно часто использовалось в ограниченном смысле для членов императорской гвардии, в основном набранных из этой нации, — и в арабский как *varank*. Доктор Томсен приводит две удачные параллели для несколько примечательной истории терминов "русский" и "варяг". Термин "русский" стал использоваться в качестве собственного имени славянскими народами, которые когда-то находились под властью русов, во многом таким же образом, как термин "франкский" или "французский" был перенят галльским населением Франции от ее германских завоевателей. Термин "варяг", в конечном счете название нации или группы наций, стал использоваться в отношении вооруженных сил, когда-то в основном набравшихся из этих наций, во многом так же, как термин "швейцарец" применялся к папской гвардии долгое время после того, как эта гвардия перестала набираться исключительно из швейцарской нации.

Вера в скандинавское происхождение русов полностью подтверждается археологическими свидетельствами. Большое количество арабских монет, найденных в Швеции (особенно в Готланде) и в самой России, указывает на обширную торговлю с Востоком, путь которой лежал главным образом к востоку от Каспийского моря, а затем вдоль долины Волги. Даты монет указывают на период между 850 и 1000 годами как на период наиболее активных контактов с Востоком. Не менее интересно большое количество западных монет, особенно англосаксонских пенни и скиаттов, которые были найдены в России. Вероятно, они представляют собой части нашего Данегельда, которые попали в руки шведов либо в результате торговли, либо войны. Броши викингов характерной овальной формы со знакомым зооморфным орнаментом были найдены на Западе России, а один камень с рунической надписью, относящийся к 11 веку и свидетельствующий о связи с Готландом, был найден в кургане на Березани, острове в устье Днепра. Профессор Браун говорит, что других камней найдено не было из-за редкости подходящего камня.

Трудно определить, как долго русы сохраняли свою исконно скандинавскую национальность. Внук Олега Святослав носил отчетливо славянское имя, и с тех пор имена членов королевского

дома носят исключительно славянский характер, но связь со Швецией ни в коем случае не была забыта. Сын Святослава Владимир Великий закрепился вправлении Новгорода в 980 году с помощью *варягов* из-за моря и основал отряд воинов-варягов в своем главном городе Киеве. Но эпоха викингов подходила к концу. Вспомогательные войска варягов упоминаются в последний раз в 1043 году, и вполне вероятно, что к середине 11 века скандинавские поселенцы были почти полностью славянизированы. При нынешнем уровне наших знаний говорить об их постоянном влиянии на российский народ и российские институты практически невозможно. Предпринимались попытки выделить скандинавские элементы в древнерусском праве и языке, но без особых результатов, и мы должны довольствоваться знанием того, что викинги были всесильны в Западной и Южной России на протяжении большей части двух столетий, вели обширную торговлю с Востоком, основали Новгород, "новый город" на Волге под названием *Хольмгард* и основали династию, которая правила в Киеве и стала значительной силой в Восточной Европе, ведя переговоры на условиях равенства с византийскими императорами.

Уже неоднократно упоминалось о том, каким образом норманны поступали на службу к императорам в Константинополе или *Миклагарде*, "великом городе", как они его называли. Отсюда они посетили все части Средиземноморья. Когда Гарольд Хардрада находился на службе у императора, он плывал через греческий архипелаг на Сицилию и в Африку. Там он пробыл несколько лет, завоевав для своего учителя около восьмидесяти городов и добыв богатые сокровища для себя. Одно интересное воспоминание об этих путешествиях до сих пор сохранилось для нас. У входа в венецианский арсенал стоит мраморный лев, привезенный из Афин в 1687 году. Раньше он стоял в гавани Пирея, известной оттуда как Порто-Леоне. По бокам льва вырезаны две длинные рунические надписи, расположенные змееподобными полосами. Руны слишком сильно стерлись, чтобы их можно было расшифровать, но они, несомненно, скандинавского происхождения, а полосы в виде змей очень похожи на те, что можно увидеть на некоторых рунических камнях в Швеции. Резьба, вероятно, была сделана шведами из Уппланда примерно в середине 10 века. Вряд ли можно представить себе более яркую иллюстрацию масштабов и важности движения викингов в Европе.

СНОСКА:

[12] Слово "варяг" в современном русском языке означает корабейника и свидетельствует о сильных коммерческих инстинктах викинга.

ГЛАВА VIII ЦИВИЛИЗАЦИЯ ВИКИНГОВ

Деятельность викингов была всеобъемлющей, и прежде чем можно будет предпринять какую-либо попытку оценить их влияние в различных странах, которые постоянно находились под их властью или были более или менее тесно соприкасались с ними, необходимо дать некоторое представление, каким бы незначительным оно ни было, о скандинавской цивилизации того времени, как о ее духовной, так и о материальной сторонах. В первом аспекте мы должны

обратиться главным образом к поэмам и сагам древнескандинавской литературы, во втором - к результатам современных археологических исследований. Что касается поэмы и саг, то хорошо бы помнить, что они в значительной степени были сочинены в Исландии и отражают несколько своеобразный тип цивилизации, развившийся там в период, следовавший непосредственно за эпохой викингов. Эта цивилизация обязательно отличается от той, что развивалась в Скандинавии или в других скандинавских поселениях, тем, что она была свободна от западного влияния, но это в некоторой степени компенсируется тем фактом, что в Исландии мы получаем лучшее представление о возможностях, присущих цивилизации викингов, когда она развивалась независимо.

В начале эпохи викингов скандинавские народы находились на переходной стадии развития; с одной стороны, как в их теории, так и в их жизненной практике многое еще отдавало первобытным варварством, в то время как с другой, в развитии определенных сфер человеческой деятельности, особенно в области войны, торговли и социальной организации, они значительно опережали многих своих европейских соседей. Не один писатель отмечал странное смешение варварства и культуры, составляющее цивилизацию викингов: это очевидно, когда мы изучаем их повседневную жизнь, и это подчеркивается в истории их медленного и прерывистого перехода от язычества к христианству.

Нам не нужно далеко ходить, чтобы найти примеры их варварства. Их жестокость на войне является обычным явлением среди историков того периода. Когда ирландцы увидели, что датчане готовят еду на вертелах, воткнутых в тела их поверженных врагов (*против. выше*, стр. 55), и спросили, почему они делают что-то столь отвратительное, последовал ответ: "Почему бы и нет?" Если бы другая сторона одержала победу, они сделали бы то же самое с нами. "Обычай резать кровавого орла (то есть разрезать ребра в форме орла и вытаскивать легкие через отверстие) был хорошо известной формой мести убийце своего отца, попавшего в плен в битве, и проиллюстрирован в истории о сыновьях самого Рагнара Лодброка. Другим пережитком первобытной жизни была знаменитая ярость берсерка, когда людей в пылу битвы охватывало внезапное безумие и, согласно распространенному поверью, они получали двойную порцию силы и теряли всякое чувство телесной боли - обычай, для которого доктор Бугге находит подходящую параллель в "неистовстве" рас Малайского полуострова. Детей насаживали на острие копья, а вождь викингов, который не одобрял этот обычай, получил прозвище *барнакарл*, то есть друг детей.

В отличие от этих методов ведения войны выделяется их искусство фортификации, в котором они преподали много уроков как своим англичанам, так и своим франкским противникам, их готовность приспосабливаться к новым условиям ведения войны (*в. выше*, стр. 46) и их умная стратегия, с помощью которой они снова и снова перехитряли своих противников.

Тот же контраст возникает, когда мы рассматриваем положение женщин среди них. Хроники часто упоминают об их вожделении к женщинам. У английского хрониста мы слышим, как они расчесывали волосы, принимали субботние ванны, часто меняли одежду и различными способами культивировали телесную красоту, "чтобы им было легче преодолевать целомудрие матрон и брать в наложницы даже дочерей знати". Кочуя из страны в страну, у них часто были жены в каждой, и полигамия, по-видимому, была правилом, по крайней мере, среди лидеров. В Ирландии мы слышим о том, что, по-видимому, было настоящими гаремами, в то время как в

России нам рассказывают о правнуке Рюрика, основателя русского царства, что у него было более 800 наложниц, хотя мы, возможно, можем заподозрить влияние восточного обычая в этом случае. И все же, наряду со всем этим, законная жена пользовалась уважением, занимала высокое положение и принимала участие в национальной жизни, что было довольно необычно в те дни. В отчете об арабском посольстве к западным викингам (см. *выше*, стр. 20) мы имеем яркую картину свободы их супружеской жизни. Ауд, вдова Олафа Белого, после падения своего сына Торстейна взяла на себя заботу о судьбе своей семьи и является одной из фигур, наиболее ярко выделяющихся в истории раннего заселения Исландии. Достаточно обратиться к исландским сагам, чтобы увидеть перед собой целую галерею портретов, как темноволосых, так и белокурых, женщин, отлитых по образцу героинь, в то время как камень в Дирне в Хаделанде с рунической надписью "Гунвор, дочь Тирека, построила мост в память о своей дочери Астрид, она была самой милостивой девушкой в Хаделанде" дает нам одно из самых привлекательных изображений женственности, оставшихся нам от эпохи викингов. Однако следует добавить, что помимо рунической надписи на камне вырезаны младенец Христос, звезда на востоке и три короля, и это может служить напоминанием нам о том, что в ту эпоху народы Севера переходили от язычества к христианству, хотя переход был медленным и ни в коем случае не полным даже в конце периода.

Вероятно, что первое реальное знание о "белом Христе" пришло, как это часто бывает, с расширением торговли — фризы торговали со Скандинавией, а датчане и шведы поселились во Фризии и в других местах с той же целью. Святой Виллиброрд в начале VIII века и архиепископ Эббо Реймский в 823 году в качестве папского легата среди северных народов предприняли миссии в Данию, но именно в 826 году, когда король Гарольд был крещен в Майнце, появилась первая реальная возможность для проповеди христианства в Дании. По возвращении Гарольда сопровождал святой Анскар, монах из Корви и человек, исполненный религиозного рвения. После двухлетнего служения в Дании святой Анскар отплыл в Швецию, где был любезно принят в Бьорке королем Бьерном. Он обратил много новообращенных, а по возвращении домой в 831 году был назначен архиепископом Гамбурга и получил, совместно с Эббо, юрисдикцию над всеми северными королевствами. Гамбург был опустошен в 845 году, и затем святой Анскар был назначен в бременское епископство, впоследствии объединенное с восстановленным гамбургским архиепископством. Он снова трудился в Дании и основал церкви в Слесвике и Риббе. Он провел вторую миссию в Швецию, и его миссионерское рвение не ослабевало до самой его смерти в 865 году; его работу продолжил его преемник и биограф святой Римберт и многие другие. Однако их проповедь была ограничена Ютландией и Южной Швецией, и нет никаких свидетельств какого-либо народного движения в сторону христианства. Горм Старый был убежденным язычником, но сын Горма, Гарольд Блутуз, был ревностным сторонником христианства. Его энтузиазм, возможно, был преувеличен монастырскими хронистами в противовес язычеству его сына Свейна, но с воцарением Кнута все опасения возвращения к язычеству пришел конец. Кнут был набожным сыном Церкви.

Первые датские поселенцы в Англии были полностью языческими по настроению, но вскоре они вступили в тесный контакт с христианством, и условия мира Эдуарда и Гутрума в первые годы 10 века показывают, что христианство уже прокладывало себе путь в Данелаге. В течение этого столетия обе архиепископии принадлежали мужчинам датского происхождения, и эксцессы начала XI века были вызваны не датскими поселенцами, а языческими последователями Олафа Трюгвасона и Свейна Раздвоенной Бороды. Точно так же датские поселенцы в Нормандии в течение нескольких лет были причислены к числу самых

восторженных сторонников Церкви, а собственный сын и преемник Ролло Уильям стремился стать монахом.

История проповеди христианства в Норвегии неоднозначна. Первая попытка утвердить христианскую веру была предпринята Хаконом Адалштейнсфостри (*против выше*, стр. 36). Крещенный и получивший образование в Англии, он начал осторожно, склоняя тех, кого он больше всего любил, стать христианами, но вскоре вступил в конфликт с более яркими последователями язычества. На великом осеннем празднике в Ладе, когда были выпиты чаши памяти, ярл Сигурд подал чашу Одину, но король осенил свою чашу крестным знаменем. Ярл Сигурд успокоил народ, сказав, что король сотворил знак молота и посвятил чашу Тору. На следующий день король не захотел есть конину, использованную в их жертвоприношениях, и пить из нее кровь: люди были разгневаны, и король пошел на компромисс, вдохнув пар от приношения через льняную ткань, накрытую жертвенным котлом, но никто не был удовлетворен, и на следующем зимнем пиршестве королю пришлось съесть несколько кусочков конины и выпить все чаши памяти без остатка. Хакон умер христианином, но Эйвиндр Скальдаспиллр в "*Хаконармале*" описывает, как Один приветствовал его в Валгалле.

Граф Хакон Сигурдсон по прозвищу *блот-ярл*, то есть граф-жертвенник, был ревностным язычником, но Олаф Трюгвасон после своего вступления на престол в 995 году продвигал дело христианства всеми доступными ему средствами, и во многом именно этому он был обязан своим окончательным свержением. Затем, после короткого перерыва, корона перешла к святому Олафу, величайшему из всех христианских поборников Норвегии, и во время его правления эта страна окончательно стала христианской, хотя его грубые и поспешные методы обращения вряд ли могли обеспечить что-либо, кроме чисто формального и внешнего присоединения к новой вере.

Швеция с наибольшей неохотой из трех северных королевств принимала христианство, и страна оставалась почти полностью языческой до конца периода викингов.

История норвежских поселенцев в Ирландии и на Западных островах в их отношении к христианству во многом напоминала историю датчан в Англии. Кельтское христианство прочно обосновалось в этих странах, и с самого раннего периода возникновения поселений многие викинги приняли христианскую веру. Среди поселенцев в Исландии, пришедших с Запада, было много христиан, и сама Ауд перед смертью распорядилась похоронить ее на берегу моря ниже отметки прилива, а не в неосвященной земле. Большинство поселенцев, несомненно, оставались язычниками — в 996 году из храма в Дублине было изъято кольцо, посвященное Тору, а в 1000 году король Брайан уничтожил рошу, посвященную тому же богу, к северу от города. Но рядом с инцидентами такого рода следует поместить другие, подобные спасению церквей, больниц и богаделен, когда Арма была разграблена в 921 году, или уходу Анлафа Куарана в монастырь на Ионе в 981 году. В Ирландии, как и везде, похоже, в первые годы XI века произошел рецидив язычества, и великая битва при Клонтарфе рассматривалась как борьба между язычниками и христианами.

Внешне скандинавский мир в значительной степени заявил о своей приверженности христианству к концу периода викингов, но мы должны помнить, что средневековая Церковь была довольна, если ее новообращенные проходили церемонию крещения и соблюдали ее обряды, хотя их чувства часто оставались языческими. За исключением чисто формального способа, невозможно провести четкую демаркационную линию между христианами и

язычниками, и принятие христианства важно не столько из-за какого-либо изменения мировоззрения, которое оно произвело у отдельных людей, сколько потому, что оно привело народы Севера в более тесное соприкосновение с общей жизнью и культурой средневековой Европы. Лидеры свободно принимали крещение — часто более одного раза — и даже конфирмацию как часть дипломатической сделки, в то время как их исповедание христианства не имело никакого значения для их образа жизни викингов. Даже формально Церкви приходилось идти на компромисс, как, например, в практике *первичного подписания*, когда викинги посещали христианские земли в качестве торговцев или поступали на службу к христианским королям за плату, они часто позволяли расписываться крестом, что обеспечивало им доступ к общению с христианскими общинами, но оставляло их свободными придерживаться той веры, которая им больше нравилась.

Странные формы и смешения верований возникали при переходе от одной веры к другой. Хельги Худощавый был христианином, но в трудную минуту воззвал к Тору. Христианские святые с их чудотворными способностями были с готовностью приняты в скандинавский пантеон, и викинги своими молитвами и подношениями заручились помощью святого Патрика в Ирландии и святого Германа во Франции во времена поражений и эпидемий, в то время как мы слышим о семье поселенцев в Исландии, которые отказались от всякой веры, кроме веры в силу святого Колумбы. На скульптурных камнях на западе можно найти изображения Рагнарека, Бальдра и Локи вместе со знаком креста. Некоторые из языческих мифов сами по себе демонстрируют христианское влияние; история Бальдра с ее отголосками плача по страдающему Христу относится к последней стадии норвежского язычества, в то время как языческий скальд заставляет Христа сидеть у Источника Судьбы как могущественного разрушителя великанов. Когда добродетель покинула их старые верования, многие стали жертвой самого грубого суеверия, поклоняясь скалам, рощам и рекам, которые когда-то считались обиталищем богов. Другие отказались от веры как в христианских, так и в языческих богах, и прозвище "безбожный" отнюдь не редкость среди поселенцев Исландии. О таких часто говорят, что они верили в себя или не верили ни во что, кроме собственной силы и могущества, в то время как в "саге о Фрихофе" мы слышим, как герой мало обращал внимания на святость храма Бальдра и что любовь Ингибьерг значила для него больше, чем гнев богов. Чтобы провести параллель с таким дерзким скептицизмом, как у Фрихофа, мы должны обратиться к южным землям и более поздним временам, к книге Окассена "В раю, что я могу выиграть?". Я стремлюсь не войти туда, а только обрести мою Николете, мою милую леди, которую я так сильно люблю". Для некоторых путь к спасению лежал не в суевериях или скептицизме, а в мистических рассуждениях, в чистом поклонении силам природы. Так, мы слышим об исландце Торкеле Мани, которого все хвалили за совершенство его образа жизни, о том, что во время его последней болезни его вынесли на солнечный свет, чтобы он мог вверить себя в руки бога, создавшего солнце, или о *годи* Аскелле, который даже в час голода считал более уместным почтить создателя заботой о стариках и детях, чем облегчать страдания, предавая смерти этих беспомощных людей.

Следует упомянуть еще об одной иллюстрации упадка силы язычества. Именно эпохе викингов мы обязаны поэмами старшей Эдды, этого кладезя скандинавской мифологии и космогонии. Они почти чисто языческие по настроению, и все же чувствуется, что только в эпоху, когда вера в старых богов уходила в прошлое, авторы этих стихотворений могли уловить те нотки отстраненности, иронии и даже пародии, которые характеризуют столь многие из них.

Таким образом, состояние веры и верований в эпоху викингов было хаотичным, но, к счастью, для целей ясного изложения, по крайней мере, для норвежского сознания не существовало необходимой связи между верованиями и моралью, между верой и поведением, а идеи, на которых они основывали свою философию и жизненную практику, довольно отчетливы.

Центральные идеи, доминирующие в норвежском взгляде на жизнь, - это постоянное ощущение преходящести всего сущего и глубокое осознание непререкаемой силы Судьбы. Все земное преходяще, и единственное, что сохраняется, - это добрая слава. "Богатство умирает, родственники умирают, сам человек должен умереть, но слава, которую человек заслужил для себя по праву, никогда не умирает; я знаю одно, что никогда не умирает, - суд, вынесенный каждому умирающему", говорит поэт из *Гавамалы*, великого хранилища гномической мудрости скандинавов. "Все непостоянно и преходяще, поэтому пусть никто не будет высокомерным или самоуверенным. Мудрый человек никогда не будет восхвалять день до наступления вечера". Благоразумие и предусмотрительность всегда необходимы. Все предопределено судьбой, которая необратима, и ее невозможно избежать. Каждый человек должен умереть той смертью, которая ему назначена, и человек, чей последний день еще не наступил, может невозмутимо столкнуться с величайшей опасностью. Это ощущение неизбежности судьбы не должно приводить к ослаблению характера или утомлению от жизни. Смерть нужно встречать с жизнерадостным стоицизмом, и наше суждение о ценности любого человека должно зависеть от того, как он ожидает решения судьбы. Не слишком доверяйте другим, будь то друзья или враги, и меньше всего доверяйте женщинам. "Женщины часто простужались", - говорит Чосер в "*Рассказе монахини-священницы*", используя старую скандинавскую поговорку. "Будь дружелюбен к своим друзьям и врагом к своим врагам. Практикуйте гостеприимство и ненавидьте ложь и неправду. "У своих врагов викинги имели дурную репутацию хитрецов и лжецов, но когда мы изучаем инциденты, на которых основывалось это обвинение, — как, например, история о захвате Луны (v. выше, стр. 47) или часто повторяющийся трюк с притворным бегством только для того, чтобы выманить врага с безопасной территории, - следует признать, что они показывают, что врага скорее перехитрили, чем обманули. Этот аспект характера викингов, пожалуй, находит свою лучшую иллюстрацию в фигуре Одина. Его распространенные эпитеты - "мудрый", "предусмотрительный", "проницательный"; он бог колдовства, знает все тайные силы природы и контрастирует с простодушным Тором, наделенным могучей силой, но менее отточенной и утонченной. Развитие культа Одина в Норвегии особенно относится к позднему железному веку, и стоит отметить, что его поклонение, по-видимому, преобладало главным образом в военных кругах, среди князей и их приближенных.

Викинги были виновны в двух тяжких грехах — неумеренной любви к вину и женщинам. Об их отношении к женщинам уже было сказано достаточно. Их пьяный разгул лучше всего иллюстрируется историей об оргии, которая привела к смерти святого Альфеджа в Лондоне в 1012 году, когда, вдоволь напившись вина, которое они привезли из-за границы, они забросали епископа костями с пиршества и, наконец, пронзили его череп острием топора. О грехе в христианском смысле викинги не имели ни малейшего представления. Ирландский хронист действительно сообщает нам, что датчане обладают определенным благочестием в том смысле, что они могут какое-то время воздерживаться от плоти и женщин, но, вероятно, более правдивое описание дает Адам Бременский, когда он говорит, что датчане не могут плакать ни о своих грехах, ни о своих мертвых.

Основными занятиями викингов были торговля и война, но мы должны остерегаться проводить слишком жесткое различие между искателями приключений и мирными домоседами. Викинги, когда они поселились в Англии и других местах, показали, что их предыдущая бродячая жизнь ни в малейшей степени не помешала им стать мирными торговцами, фермерами или батраками, в то время как фигура Охтера, или Отт-Тарра, назовем его скандинавским именем, поступившего на службу к королю Альфреду, может служить напоминанием нам о том, что многие землевладельцы были не прочь вести выгодную торговлю с финнами или совершать исследовательские путешествия по Белому морю.

Торговля в те дни была делом больших трудностей и множества рисков. Грань между купцом и викингом была очень тонкой, и мы не раз читали, как, отправляясь в торговую экспедицию, купцы заключали перемирие до завершения своих дел, а затем относились друг к другу как к врагам. Торговля в Скандинавии велась либо в постоянных центрах, либо на периодических рынках, устраиваемых в удобных местах. Главными торговыми центрами были города-побратимы Слесвик-Хедебю в Дании, Скирингссалр на юго-западе Норвегии, а также Бьорке, Сигтуна и остров Готланд в Швеции, в то время как важный рынок периодически проводился в Богуслене на Гетаэльве, в месте, где пересекались границы трех северных королевств. Характерный инцидент, произошедший на этом рынке, иллюстрирует международный характер совершаемой там торговли. Однажды богатый купец по имени Гилле (имя кельтское), прозванный Русским из-за своих многочисленных поездок в эту страну, открыл свой киоск на рынке, и его навестил исландец Хескулдр, которому не терпелось купить рабыню. Гилле отдернул занавеску, отделяющую внутреннюю часть шатра, и показал Хескулдру двенадцать рабынь. Хескулдр купил одну из них, и она оказалась дочерью ирландского короля, попавшей в плен к налетчикам-викингам.

Основными статьями экспорта были меха, лошади, шерсть и рыба, в то время как импорт состоял главным образом из предметов роскоши, будь то одежда или украшения. Со всеми подобными предметами роскоши велась обширная торговля с Востоком, и викинги, по-видимому, охотно накапливали богатства такого рода. Когда ирландцы вновь захватили Лимерик в 968 году, они забрали у викингов "их драгоценности и лучшее имущество, а также их седла, красивые и заморские (вероятно, испанской работы), их золото и серебро, их прекрасно сотканную ткань всех цветов и всех видов: их атласные и шелковые ткани, приятные и пестрые, как алые, так и зеленые, и все виды ткани в том же роде". Они также захватили "их мягких, юных, ярких, несравненных девочек: их цветущих молодых женщин в шелковых одеждах: и их активных, крупных и хорошо сложенных мальчиков". Такие пленники, независимо от того, были ли они сделаны ирландцами из норвежцев или норвежцы из ирландцев, несомненно, были проданы в рабство, поскольку одной из главных отраслей торговли в те дни была продажа в рабство тех, кто попал в плен на войне.

Расширение скандинавской торговли происходило параллельно, а не в результате военных действий викингов. Есть свидетельства присутствия торговцев в Низменности в начале IX века, и уже во времена святого Анскара мы слышим о шведской вдове Бьорке, которая оставила деньги своей дочери для раздачи беднякам Дуурстеде. Йомсборг был основан для защиты и расширения скандинавской торговли в Юлине, и на южном и восточном берегах Балтийского моря были другие подобные торговые центры.

Викинг мог заниматься либо войной, либо торговлей, но каким бы ни было его занятие, живя на островах или полуостровах, хорошие корабли и хорошее мореходство были необходимы для его существования. Теперь моряки часто отказывались от робкого прижимания к побережью, плавая только днем и в хорошую погоду, которые были характерны для древних финикийских торговцев, и смело пересекали неизведанный материк, не имея никакой помощи, кроме солнца и звезд, по которым можно было ориентироваться. Только эта смелость духа позволила им достичь уединенных Фарерских островов, далеких Шетландских и Оркнейских островов и еще более отдаленной Исландии. Ирландские монахи и отшельники проявляли подобное бесстрашие, но их храбрость часто была храбростью фанатика и мистика, а не предприимчивостью моряка. Отвага морехода вела к отваге в исследовании. Из Исландии викинги отплыли в Гренландию и к 1000 году открыли Винланд, северо-восточную часть Северной Америки. Оттарр обогнул Северный мыс и плавал по Белому морю в 9 веке, в то время как Гарольд Хардрада в 11 веке совершил полярное исследовательское путешествие.

Об их кораблях мы многое знаем как из саг, так и по сохранившимся до нас остаткам настоящих кораблей. Обычай корабельного погребения, то есть погребения на корабле, над которым была возведена могильная камера, покрытая насыпью, был распространен в эпоху викингов, и было обнаружено несколько таких кораблей. Два самых известных из них - Гокстад и Осеберг, оба находятся на берегах Христианиа-фьорда. Судно Gokstad построено из дуба, клинкера, с сиденьями для шестнадцати пар гребцов и имеет 28 футов в длину и 16 футов в ширину в средней части. Он датируется примерно 900 годом и по форме и мастерству изготовления не превосходит современные сосуда аналогичного типа. Имеется мачта для единственного паруса, а руль, как всегда в те дни, находится по правому борту. Планшир был украшен серией щитов, окрашенных попеременно в черный и золотой цвета. О внешнем виде судна, когда оно полностью оснащено, пожалуй, лучше всего можно судить по изображениям кораблей викингов, которые можно увидеть на гобеленах Байе. Здесь мы можем отметить разноцветный парус с разноцветными полосами и богатую резьбу на носу и корме. Эти великолепные паруса были предметом большой гордости их владельцев, и о Сигурде Иерусалиме-фарере рассказывают историю о том, что по пути домой из Иерусалима в Константинополь он полмесяца простоял у мыса Малее, ожидая бокового ветра, чтобы его паруса были установлены вдоль корабля и так были лучше видны тем, кто стоял на берегу, когда он плыл в Константинополь. Форштевень часто заканчивался головой дракона, отделанной золотом, в то время как корма часто имела форму драконьего хвоста, так что само судно часто называли драконом.

Корабль Oseberg принадлежит к другому типу. Планширь ниже, а все судно более плоское и широкое. Он использовался как могила женщины, и весь внешний вид сосуда, включая его богато украшенную резьбой ножку, указывает на то, что он использовался в спокойных водах в мирных целях.

История бегства Гарека из Тьотты через Копенгагенский пролив после битвы при Хельгеаа в 1018 году иллюстрирует разницу между торговым кораблем и военным кораблем. Гарек снял парус и мачту, снял флюгер, натянул на борта корабля серую ткань-палатку и оставил только нескольких гребцов на носу и корме. Остальным членам команды было приказано лечь ничком, чтобы их не было видно, в результате чего датчане приняли боевую галеру Гарека за торговое судно, груженное сельдью или солью, и пропустили ее беспрепятственно.

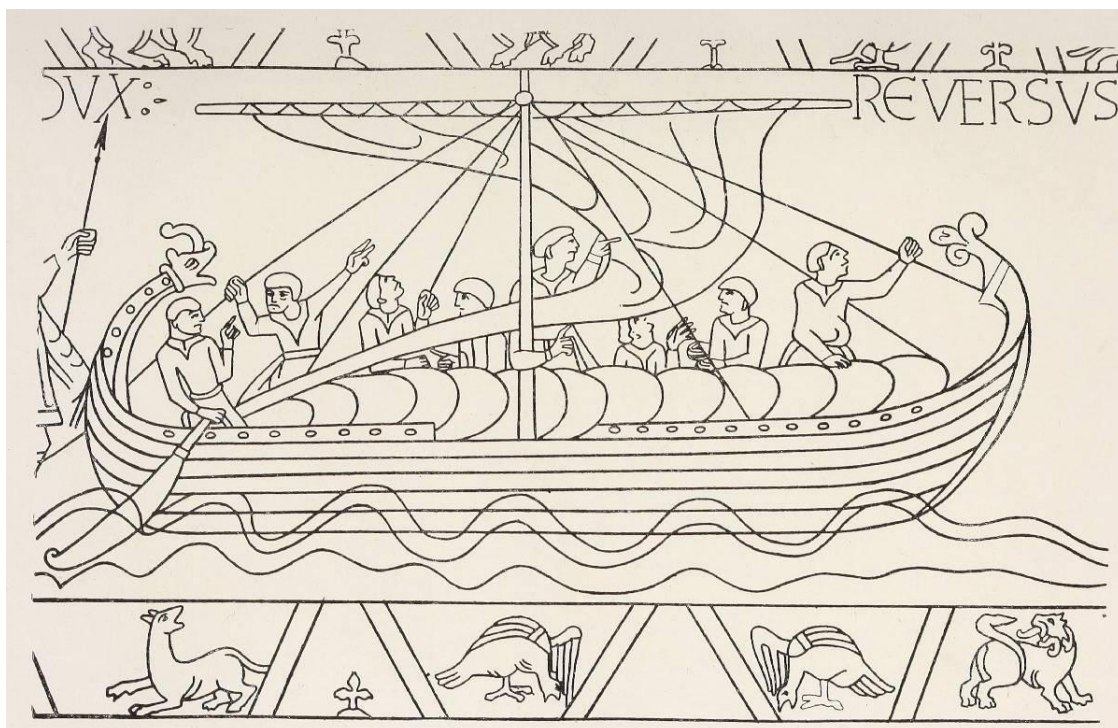

РИСУНОК 1

Корабль викингов с гобелена из Байе

В последние годы эпохи викингов корабли значительно увеличились как в размерах, так и в количестве. Судно Олафа Трюгвасона "*Длинный змей*", на котором он сражался в своей последней битве при Свольд्रे, имело тридцать скамеек весел, в то время как у Кнута Великого была скамья с шестьюдесятью парами весел. Этот же король отправился с флотом примерно из тысячи четырехсот судов на завоевание Норвегии.

В бою защитным оружием были шлем, доспехи и щит. Щиты были деревянными с тяжелым железным выступом в центре. Доспехи изготавливались из железных колец, кожи или толстой ткани. Оружием нападения были в основном меч, копье и боевой топор. Меч был обоюдоострым и обычно имел неглубокое углубление вдоль середины лезвия, известное как кровеносный канал. Вверху лезвие заканчивалось узким выступом, ограниченным с обоих концов рукоятями. Вокруг острия и между рукоятями располагалась рукоять из дерева, рога или какого-либо подобного материала, часто покрытая кожей, а иногда и металлом. Над верхней рукоятью находился набалдашник, который придавал мечу необходимый баланс для хорошего уверенного удара. Обычно набалдашник и рукояти инкрустировались серебром, бронзой или медью. Боевой топор, наиболее характерный из оружия викингов, был тяжелого типа с широким лезвием.

Помимо войны и торговли, главным занятием викингов было земледелие, в то время как его главным развлечением была охота. Дома вождь викингов жил жизнью активного сельского джентльмена. Его любимым видом спорта была соколиная охота, и в одном из легендарных "*Житий святого Эдмунда*" рассказывается, как сам Рагнар Лодброк из-за шторма был вынужден приземлиться на побережье Восточной Англии, получив гостеприимный прием от короля, но в

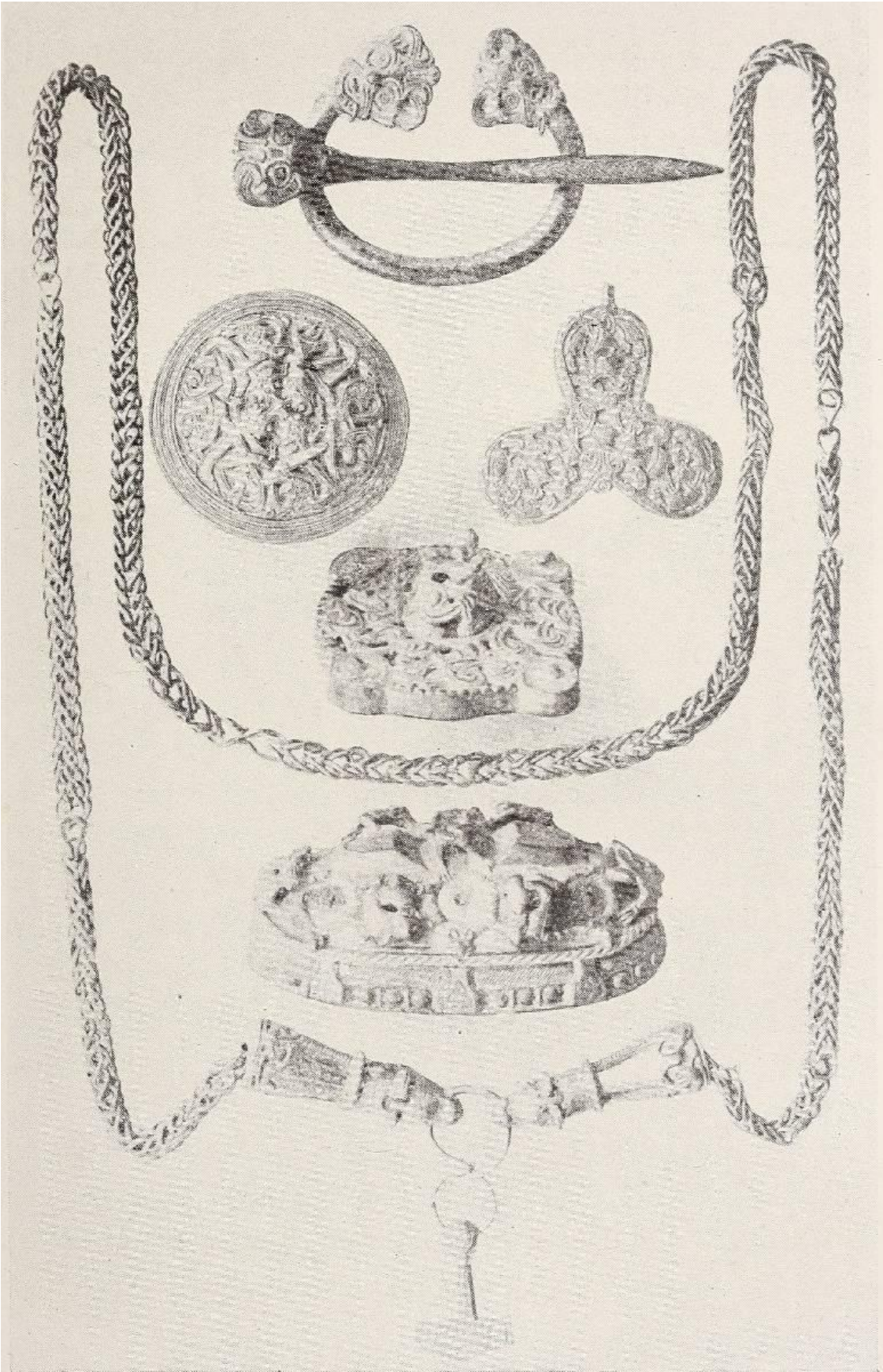
конечном итоге встретил смерть от рук королевского егеря, который завидовал его мастерству птицелова.

О социальной организации викингов невозможно составить очень определенное или точной представление. В законах поселения Йомсборг (*против. выше*, стр. 71) содержатся правила жизни сообщества воинов, но было бы ошибкой воображать, что эти законы одинаково преобладали во всех поселениях. Общая структура их общества была скорее аристократической, чем демократической, но внутри аристократии, которая была в первую очередь военной, преобладал принцип равенства. Когда людей Ролло спросили, кто их господин, они ответили: "У нас нет господ, мы все равны". Но хотя викинги не признавали своего господина, они были по сути практичны; они понимали важность организованного руководства, и у нас есть череда способных лидеров, упомянутых в летописях того времени, некоторым из которых был присвоен титул короля. Однако этих королей слишком много, и слишком многие из них упоминаются вместе, чтобы можно было придать термину "король" в этой связи что-либо похожее на его обычное значение. Скорее всего, это слово использовалось для обозначения любого принца королевского дома, и только когда викинги основали постоянные поселения и окончательно попали под влияние Запада, мы слышим о королях в обычном территориальном смысле — королях Нортумбрии, Дублина, Мэна и Островов или Восточной Англии. Мы также слышим о *ярлах* или графах либо как о лидерах викингов, либо как об определенных территориальных правителях, как, например, оркнейские графы и более одного графа, который упоминается как правящий в Дублине, но эти графы обычно держали свои земли под властью короля. Рядом с королями и графами упоминаются как в Данелаге, так и на Западных островах *lawmen*. Трудно точно определить их положение и функцию. Первоначально эти люди были просто экспертами в области права, которые излагали его в популярном деле или собрании, и были представителями народа против короля и суда, но иногда они брали на себя судебные функции, действуя, например, в Швеции в качестве ассессоров короля, который был верховным судьей.

В их домашней жизни мы находим ту же странную смесь цивилизации и варварства, которая отличает их повсюду. Их дома были построены из дерева, покрытого глиной. Настоящего очага не было, и дым от костра, как мог, выходил через покрытую дерном крышу. Основная мебель комнаты состояла из кроватей, скамеек, длинных столов и сундуков, и в домах богачей в конце нашего периода на них часто вырезали сюжеты из старых героических или мифологических легенд, а стены могли быть покрыты гобеленами. На видном месте в зале вождя стояли резные колонны, которые поддерживали его высокое кресло и считались священными. Когда некоторые из поселенцев впервые приплыли в Исландию, они выбросили за борт свои высокие опорные столбы, которые привезли с собой, и выбрали местом своего нового обитания место, где эти столбы были выброшены на берег.

В одежде и украшениях не может быть никаких сомнений в том, что наши предки-викинги достигли высокого уровня роскоши. Любой посетитель великих национальных музеев Копенгагена, Стокгольма или Христиании должен быть впечатлен богатством личных украшений, выставленных перед ним: великолепными брошами из серебра и бронзы, нарукавными и шейными кольцами из золота и серебра, крупными бусами из серебра, стекла, горного хрусталя, янтаря и сердолика. Одно время принято было считать, что эти украшения, часто демонстрирующие высочайшее художественное мастерство, были просто добычей,

отнятой викингами у народов, более культурных и артистичных, чем они сами, но тщательное расследование показало, что большинство из них было изготовлено в самой Скандинавии.

ПЛАСТИНА II

Орнаменты периода викингов

Наиболее характерным украшением викингов, несомненно, является брошь. Обычно он имел овальную форму, а вогнутая поверхность была покрыта рамкой из выступов и соединительных полос, которые разделяли его на ряд "полей" (если использовать геральдический термин), которые сами по себе могли быть украшены характерным орнаментом того периода. Самой распространенной формой овальной броши была брошь с девятью ручками на одной пластине, но в более поздних примерах пластина часто удваивается. Сами броши были из бронзы, набалдашники обычно из серебра с серебряной проволокой по краю броши. Сейчас эти набалдашники часто исчезают, а бронза потускнела от зелени, так что трудно составить представление об их первоначальной величии. Овальные броши использовались для крепления верхней мантии и обычно носились парами, либо на груди, либо на плечах, и их примеры были найдены от России на Востоке до Ирландии на Западе. Встречаются и другие виды брошей — с прямыми рукоятками, трехлопастные и круглые. Такие броши часто носили посередине груди, немного ниже овальных. Распространены и другие украшения, помимо брошей, — нарукавные кольца, шейные кольца, подвески. Одна из самых интересных подвесок - кольцо с серией маленьких серебряных молотов Тора, которое, вероятно, использовалось как оберег от невезения. Все эти украшения в равной степени выполнены из серебра, а не из золота, и было сказано, что если постримский период скандинавской археологии называть золотым веком, то период викингов следует назвать Серебряным веком.

Стиль орнаментации, используемый в этих предметах личного украшения, а также в предметах более общего назначения, таких как конская сбруя, широко известен немецким археологам как *ярусный орнамент*, то есть животный или зооморфный орнамент. Этот последний перевод может показаться педантичным, но это наиболее точное описание стиля, поскольку мы не пытаемся представить полную форму какого-либо животного, которое когда-либо существовало в действительности; скорее мы находим различные конечности животных — головы, лапы, хвосты - сплетенными друг с другом в фантастическом узоре, чтобы покрыть определенную поверхность, которая требует украшения. "Животные являются украшениями, и с ними обращаются как с таковыми. Их растягивают и изгибают, удлиняют и укорачивают, переделывают и реконструируют именно так, как того требует пространство, которое они должны заполнить". Этот стиль когда-то назывался "драконьим стилем", но этот термин вводит в заблуждение, поскольку нет ни одного примера, относящегося непосредственно к периоду викингов, где были бы предприняты какие-либо попытки изобразить дракона, то есть какое-то фантастическое животное с крыльями. Такие существа принадлежат к более позднему периоду.

Зооморфный стиль зародился не в эпоху викингов. Она основана на культуре предшествующего периода в культуре северогерманских народов, но в это время получила определенное характерное развитие, особенно под влиянием ирландского и франкского искусства. Ирландское искусство начало оказывать влияние на искусство Скандинавии еще до начала эпохи викингов, и развитие связей между Севером и Западом значительно усилило это влияние. Франкскому влиянию были обязаны не только определенные разработки в области *ярусного орнамента*, но и использование фигур из растительного мира в декоративных целях. Одна из лучших сохранившихся до нас брошей того периода франкской работы —

великолепная трехлопастная брошь из золота с орнаментом в виде листьев аканта.

Скандинавские мастера часто имитировали эту работу с листьями, но имитация обычно бывает грубой и неубедительной. В некоторых формах серебряных украшений также можно обнаружить следы восточного, особенно арабского, влияния, но находки изделий настоящего восточного производства встречаются чаще, чем находки изделий скандинавского происхождения, свидетельствующие о восточном влиянии в их изготовлении.

Зарытые сокровища периода викингов встречаются очень часто. Это было популярное поверье, подтвержденное прямым заявлением Одина, что человек будет наслаждаться в Валгалле всем, что он сам закопал в землю. Другим распространенным мотивом при захоронении сокровищ, несомненно, было желание найти безопасное место от грабежа. Спрятанные таким образом сокровища часто терялись из виду после смерти владельца. Погребальным обычаям периода викингов мы также обязаны многими нашими знаниями об их оружии, одежде, украшениях и даже об их домашней утвари.

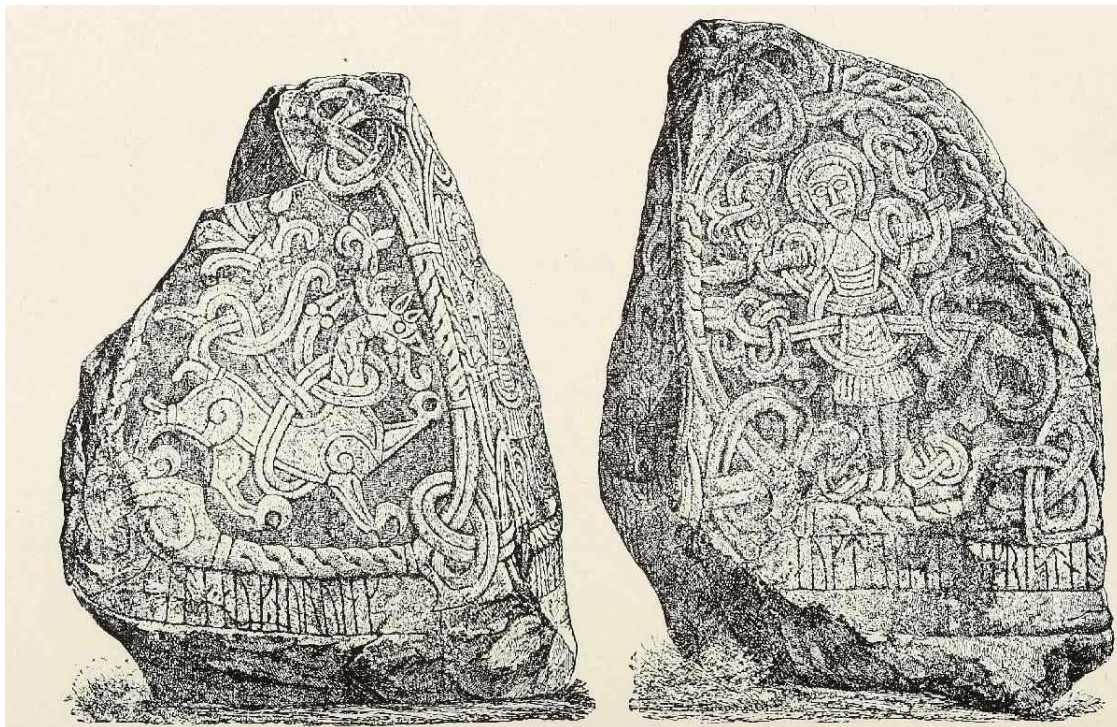
Умерших, как правило, кремировали, по крайней мере, в начале периода викингов. Сожженное или несгоревшее тело либо хоронили в земляном холмике, образующем "как", либо клали под поверхность земли, а могилу отмечали камнями, расположенными по кругу, квадрату, треугольнику или овалу, иногда даже имитирующими очертания корабля. "Хау" часто были огромных размеров. Самый большой из трех "королевских хау" в Старой Упсале - 30 футов в высоту и 200 футов в ширину. Большое "как" было очень необходимо при хорошо известных корабельных похоронах, когда умершего мужчину (или женщину) помещали в погребальную камеру на борту его корабля, а корабль вытаскивали на сушу и хоронили внутри "как". Как мужчин, так и женщин хоронили в полной одежде, и все оружие у мужчин обычно было при себе. В последнем случае оружие, как правило, заменяет предметы домашнего обихода, подобные тем, что находят в захоронениях более раннего периода, и это изменение указывает на новую концепцию будущей жизни. Теперь это жизнь, в которой воины пируют с Одином в Валгалле на скамьях, покрытых доспехами. Тщательное изучение норвежских могил довольно определенно доказало существование обычая "сутти" в период викингов, и свидетельства арабского историка Ибн Фадлана, по-видимому, показывают, что тот же обычай преобладал среди русов. Лошадей, собак, ястребов и других животных часто хоронили вместе со своими хозяевами, и часто находили их останки, сожженные или несгоревшие.

Различные обычаи, связанные с погребением, удачно проиллюстрированы в двух сохранившихся до нас отчетах о погребении короля Гарольда Хильдетана, умершего около 750 года. Отчеты были записаны спустя много времени после фактического события, но они, вероятно, дают нам хорошее представление о знакомых инцидентах в погребальных церемониях периода викингов.

В одном рассказе (из поздней саги) рассказывается, как на следующий день после великой битвы при Бравалле король Ринг приказал искать тело своего родственника Гарольда. Когда тело было найдено, его обмыли и положили в колесницу, которую Гарольд использовал в бою. Был насыпан большой курган, и собственная лошадь Гарольда втащила в него колесницу. Теперь лошадь была убита, и Ринг отдал Гарольду свое собственное седло, сказав ему, что он может ехать в Валгаллу верхом, как ему больше нравится. Был устроен большой поминальный пир, и Ринг приказал своим воинам и знати бросить в курган большие кольца из золота и серебра и хорошее оружие, прежде чем его окончательно закроют.

В другом рассказе (на саксонском) рассказывается, как Ринг запряг своего собственного коня в колесницу Гарольда и велел ему быстро ехать в Валгаллу как лучшему в битве, а когда он пришел к Одину, то приготовил хорошие покои как для друзей, так и для врагов. Затем был разожжен погребальный костер, и по приказу Ринга датчане положили на него корабль Гарольда. Когда огонь уничтожил тело, король приказал своим последователям обойти погребальный костер и пропеть плач, делая богатые подношения оружием, золотом и сокровищами, чтобы огонь мог подняться еще выше в честь великого короля. Итак, тело было сожжено, пепел собран, положен в урну и отправлен в Лейре, чтобы быть похороненным там вместе с конем и оружием по королевскому обычаю.

Есть много любопытных совпадений в деталях между этими рассказами и рассказом Ибн Фадлана о погребении воина Руса, и каждая их деталь в тот или иной момент была подтверждена археологическими свидетельствами.

ПЛАСТИНА III
Камень Джеллинджа

Память о погибших увековечивалась самим хау, но *баутастейнар*, то есть мемориальные камни, также были установлены либо на хау, либо, что чаще, в другом месте. Со временем на этих памятниках появились рунические надписи. Обычно надпись носит наиболее формальный характер и содержит имя умершего человека, имя человека, воздвигшего мемориал, а иногда также имя человека, вырезавшего руны. Иногда в надписях на рунах Дирны присутствует еще немного человеческого налета (v. *выше*, стр. 85), а во второй половине периода викингов мы часто находим изображения и даже сцены, начертанные на камнях. Это верно и в отношении камня Дирна (v. *выше*, стр. 86): на камне Джеллинге изображен Христос, а в Швеции есть знаменитая на скальной надпись, представляющая сцены из истории Сигурда (кузница Рegin,

молот, щипцы и мехи, Сигурд пронзает Фафнира своим мечом, птицы, речь которых Сигурд понимал), окруженные змеем (Фафнир) с длинной рунической надписью. Сам по себе рунический алфавит был изобретением более ранней эпохи. Он основан главным образом на старолатинском алфавите с такими изменениями формы и символов, которые были вызваны различными звуками в тевтонских языках и использованием таких неподатливых материалов, как дерево и камень. Прямые линии были предпочтительнее изогнутых, а наклонные — горизонтальных. В период викингов он был упрощен, и рунические надписи найдены от долины Днепра на востоке до Мэна на западе и от Исландии на севере до Пирея на юге.

ГЛАВА IX

СКАНДИНАВСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА ОРКНЕЙСКИЕ, ШЕТЛАНДСКИЕ, ЗАПАДНЫЕ ОСТРОВА И ЧЕЛОВЕКА

Из всех стран, которые посетили викинги, несомненно, именно Британские острова наиболее определенно несут на себе следы их присутствия. История и цивилизация Ирландии, Оркнейских и Шетландских островов, Западных островов и Человека, Шотландии и Англии были глубоко затронуты движением викингов, и его влияние тем не менее интересно, потому что оно сильно варьируется от места к месту как по характеру, так и по интенсивности. Эти различия, несомненно, частично обусловлены различиями в политической и социальной организации, например, между норвежцами и датчанами или между людьми, происходящими из разрозненных районов пока еще слабо скоординированных королевств Дании и Норвегии, но их главная причина заключается в широких различиях в социальных и политических условиях земель, на которых они поселились.

Оркнейские и Шетландские острова были заселены скандинавами раньше, чем любая другая часть Британских островов, и они входили в состав Скандинавского королевства до 1468 года. Поэтому неудивительно, что великий норвежский историк Мунк описывает их как *лигесаа норскт сом Норге сельв*, "такие же скандинавские, как сама Норвегия". На древнескандинавской речи там все еще говорили несколько человек до конца 18 века, и у нас есть версия баллады о короле Орфее, снятая с концерта в конце того столетия, с сохранившимся скандинавским припевом "*Скоуэн урла грюн—Вар джортен хан грюн оарлак*". ' то есть, вероятно, *Skoven årle grön—Hvor hjorten han går årlig* = "Раннезеленый лес — куда ежегодно отправляется олень". Топонимика почти полностью норвежская, а современные диалекты полны норвежских слов. Было найдено несколько рунических надписей, наиболее известной из которых является надпись в Мейсхоу в Хросси, сделанная скандинавскими крестоносцами, когда они зимовали там в 1152-3 годах и развлекались тем, что вскрывали хов, вероятно, в поисках сокровищ, и наносили свои руны на стены погребальной камеры. В системе землевладения "удальцы" представляют собой интересный пережиток древнескандинавских фригольдеров. "Удальец владел своей землей без каких-либо условий или ограничений в каком-либо феодальном смысле", - говорит мистер Гилберт Гауди, то есть он владел своим *удалом* точно на тех же свободных условиях, на каких коренной норвежец владел своим *одалом*. С Шетландских и Оркнейских островов скандинавы переправились на материковую часть Шотландии. Сазерленд (то есть земли к югу от Оркнейских островов), Кейтнесс, Росс и

Кромарти полны скандинавских географических названий, а скандинавское влияние прослеживается еще южнее.

Гебридские острова также находились под значительным влиянием скандинавов. Вместе с человеком они образовывали скандинавское королевство вплоть до середины 13 века. Многие из самих островов и их основных физических особенностей носят скандинавские названия, многие личные имена (например, Маколей, сын Аулая или Олаф) имеют скандинавское происхождение, и в гэльском языке есть много скандинавских слов как для островов, так и для материка. Эти слова претерпели значительные изменения и сильно искажены в языке, сильно отличающемся по форме и звучанию от языка их первоначального источника, и их распознавание представляет собой сложную проблему. В настоящее время существует опасность преувеличения этого скандинавского элемента, существование которого долгое время игнорировалось. Аналогичным образом, было прослежено сходство между скандинавскими и гэльскими популярными сказками и фольклорными преданиями, но свидетельства слишком расплывчаты и неопределенны, чтобы представлять большую ценность.

Однако именно в Человеке мы находим наиболее интересные следы присутствия скандинавов. Здесь, как и везде, у нас есть географические названия и личные имена, свидетельствующие об их присутствии, но у нас есть и многое другое. До нас дошло около 26 крестов с руническими надписями. Кресты кельтские по форме и в значительной степени по орнаменту, но мы находим отчетливые следы скандинавского животного орнамента. Надписи короткие и по большей части содержат только имя создателя мемориала и тех, кого запоминают. На одном сохранилось гордое хвастовство самого автора рун: "Гаут создал это и все остальное в Человеке". Более интересными, чем руны, являются скульптурные фигуры. На четырех крестах изображены эпизоды из истории о Сигурде — Сигурд убивает Фафнира, Сигурд поджаривает сердце Фафнира и охлаждает его пальцы во рту после того, как слишком рано попробовал, готово ли сердце, Локи убивает Выдру. У нас также есть фотографии приключений Тора со змеем Мидгарда и последней битвы Одина с Волком Фенрира. Эти скульптурные камни, вероятно, являются одними из последних, найденных у Человека, и имеют свою главную параллель в камнях, найденных в Швеции (v. *выше*, стр. 111). Возможно, именно поселенцам с острова Мэн мы также обязаны знаменитым крестом Госфорта в Камберленде с изображением Тора, ловящего змею.

В дополнение ко всему этому у нас есть правовая система Мэнкса как постоянный свидетель скандинавского влияния. Главным исполнительным и законодательным органом власти на острове (после губернатора) является суд Тинуолда. Этот суд получил свое название от древнескандинавского *Ping-völlr*^[13], the plain where the *bing*^[14] or popular assembly meets, and the House of Keys, which is the oldest division of the court, consisted originally of 24 members, a number perhaps due to Scandinavian influence, being a combination of two groups of 12 lawmen (v. *supra*, p. 103). Эти люди, носящие за пазухой "ключи закона", очень похожи на "законников" или спикеров исландской ассамблеи. Все законы, чтобы быть действительными, должны быть обнародованы с холма Тинвальд, который соответствует *легбергу* или холму закона исландского *альтинга*. Когда заседает суд, коронер "ограждает" его от любых помех или беспорядка, точно

так же, как в древненорвежском гулатинге мы слышим о *ве-бенд* или святилищах-веревках, натянутых вокруг собрания.

Возможно, именно от Человека произошло большое количество норвежских поселенцев в Камберленде, Уэстморленде и Северном Ланкашире (v. ниже, стр. 126-7), а другие, возможно, поселились в Галлоуэе.

СНОСКИ:

[13] Это слово сохранилось в другой форме более чем в одной стене среди географических названий.

[14] Это слово знакомо нам в форме *-тинг* в *хус-тинге*, домашнем собрании (первоначально *хус-тинг*), совете, проводимом королем или графом и посещаемом его ближайшими последователями, в отличие от обычного *Þing*

ГЛАВА X СКАНДИНАВСКОЕ ВЛИЯНИЕ В ИРЛАНДИИ

Во время вторжения викингов в Ирландию различные провинциальные королевства находились в свободной конфедерации под властью *ардри* или верховного короля, но эти королевства находились в постоянно меняющихся отношениях дружбы и враждебности по отношению друг к другу и сами часто были разделены на фракции под руководством соперничающих вождей. Не существовало национальной армии, подобной английской *fyrð*. Скорее всего, она состояла из нескольких племен, каждым из которых командовал свой вождь, и хотя вождь был присягнут королю, узы были непрочными. Племя еще больше разделилось на *септы*, и в армии совершенно отсутствовал какой-либо сплоченный принцип. Неудивительно, что в течение многих лет ирландцы оказывались совершенно неспособными противостоять атакам столь хорошо организованных сил, как силы скандинавских и датских викингов.

Ярким контрастом хаосу в политической и военной организации является миссионерский энтузиазм ирландской церкви и высокий уровень образования и культуры, царивший среди ее духовенства или *литераторов*. На Оркнейских и Шетландских островах такие имена, как Папа Вестрей или Папа Стронсей, свидетельствуют о присутствии ирландских священников или *папae*, как называли их скандинавы. Ирландские отшельники когда-то поселились на Фарерских островах (v. выше, стр. 6), и когда норвежцы впервые поселились в Исландии (около 870 г.), они обнаружили, что ирландские монахи уже были там. Монашеские школы Ирландии были центрами обучения и религиозного наставления для всей Западной Европы, в то время как ирландские миссионеры основали монастыри в Италии, Швейцарии, Германии и Франции.

К сожалению, религия и культура, по-видимому, почти полностью не влияли на политику, и поскольку викинги, по крайней мере в первые дни, не испытывали никакого уважения к религии

или учености ирландской нации, ничто не мешало им разрушать ирландские монастыри и уносить с собой запасы драгоценностей, которые в них хранились. Не было более легкой добычи, и только когда они сами подпали под христианское влияние и научились ценить ирландское литературное и художественное мастерство, они проявили более доброжелательное отношение к этим образованным домам.

Одна особенность должна сразу же броситься в глаза наблюдателю, который сравнивает поселения викингов в Ирландии с поселениями в Англии, а именно: влияние викингов в Ирландии определенно сосредоточено в крупных прибрежных городах — Дублине, Уэксфорде, Уотерфорде, Корке и Лимерике — и районах непосредственно вокруг них. Ирландская топонимика вполне определенно свидетельствует об этом факте. *Брод* в Стрэнджфорде и Карлингфорд-Лоуз, Уотерфорде и Уэксфорде - это О.Н. *fjorðr*, фьорд, -лоу в Арклоу и Уиклоу - это О.Н. *ло*, "низменная равнинная местность, лежащая у кромки воды". О.Н. *эй*, остров, находится в Лэмби, Далки, Дурси-Хед, Око Ирландии (от ирландского *Ey*), Хаут - О.Н. *хефуд*, "голова", Карнсор и Гринор-Пойнт содержат О.Н. *эйрр*, "песчаный выступ в море". В Смервике находится знакомый О.Н. *вик*, залив или заводь, в то время как острова Коупленд у Белфаст-лох - О.Н. *каупманнаэйр*, "торговцы" острова." Все они найдены на побережье или за его пределами, в то время как количество скандинавских названий, найденных внутри страны, крайне ограничено. Возможно, наиболее интересным является Лейкслип на реке Лиффи, название, производное от О.Н. *laxahlaup*, "прыжок лосося". Донегал, Фингалл и Готьер - кельтские названия, но они отмечают присутствие северных *галлов* или иностранцев, в то время как -*ster* в Ольстере, Лейнстере и Мюнстере является -*staðir* (мн. от -*staðr*, место, обитель), являющийся суффиксом к старым гэльским названиям этих провинций.

Между норвежцами и ирландцами существовали свободные смешанные браки (*в. выше*, стр. 56), но сила клановой системы сохраняла различия между расами, и не было такого проникновения всего населения, которое имело место в английском Данелаге. Эта система препятствовала любому поселению скандинавов на их собственных фермах, как это имело место в Англии, и захватчики жили почти исключительно в прибрежных городах и округах в непосредственной близости от них, занимаясь торговлей и судоходством.

Хотя масштабы поселений были ограничены, мы не должны недооценивать их влияние на ирландскую историю в целом. Они дали толчок здесь, как и везде, развитию городской жизни, и с периода правления викингов начинается возникновение главных ирландских городов. Им также было связано большое расширение, если не зарождение, ирландской торговли. Упоминалось о богатстве Лимерика (*в. выше*, стр. 97), полученном главным образом за счет торговли с Францией и Испанией, а другие города не стояли за пределами Лимерика. Военно-морская мощь Дублина простиралась от Уотерфорда до Дандолка, ирландский канал кишел флотилиями викингов, а многие судоходные термины, используемые в гэльском, являются заимствованиями из норвежского.

Вероятно, торговой деятельности викингов из главных портов Ирландии мы обязаны появлением названий скандинавского происхождения, которые мы находим вдоль побережья Уэльса от Ди до Северного — Грейт-Ормиз-Хед, Англси, Рэмси I, остров Скохолм, Флэт-Холм и Стип-Холм, и, возможно, именно им связано основание Суонси, ранее *Свейнеси*, Хаверфордуэста и, возможно, Бидефорда, как норвежских колоний в Бристольском проливе.

Мы знаем о более поздних временах нескольких скандинавов, которые жили в Кардиффе, Бристоле, Суонси и Хаверфордвесте.

Скандинавское влияние в Ирландии, вероятно, достигло своего апогея в 10 веке. Битва при Клонтарфе стала серьезным испытанием, и хотя в Дублине все еще сохранялась преемственность норвежских королей и графов, им пришлось признать власть *ардри*. Род Сигтриггра из Шелковистой Бороды прекратился к середине 11 века, и правление Дублином перешло в руки различных скандинавских семей из других ирландских поселений, а также из Мэна и с островов. С 1078 по 1094 год он находился под властью великого завоевателя Годреда Крована из Мана, и его связь с этим королевством была окончательно разорвана только тогда, когда Магнус Босоногий отправился в свою великую западную экспедицию в 1103 году и привел Ман к прямой верности королям Норвегии. Кельтское влияние, должно быть, было сильно в самих скандинавских семьях. Некоторые короли носят гэльские имена, и, вероятно, именно к этому периоду относятся такие известные имена, как Макламонт или Маккалмонт, МакИвер и Маккуистан, где гэльский префикс отчества был добавлен к скандинавским именам Лагмаур, Иварр и Эйстейн. В то время как влияние норвежцев в Дублине как политической силы приходило в упадок, любопытно отметить, что бурная городская жизнь и активная торговля, налаженная норвежскими поселенцами, придавали этому городу все большее значение как центру ирландской жизни и ирландских интересов в целом, и не может быть никаких сомнений в том, что именно норвежцы действительно сделали Дублин столицей Ирландии.

Скандинавский элемент оставался абсолютно отчетливым не только в Дублине, но и в других городах, в которых они поселились, вплоть до времени английского вторжения в 12 веке. Они часто упоминаются в летописях крупных городов, и часто они претендовали и получали привилегии, совершенно отличные от тех, которые предоставлялись коренным ирландцам или английским поселенцам. Последним они были известны как "остмены" или "истерлинги", термин, который в этой связи, по-видимому, вытеснил более ранние *норвежцы* или *норрейцы*, *норвежцы*. Термин "Остман", несомненно, обозначает О.Н. *Остмауда*, человека, живущего на востоке. Трудно сказать, как именно и где оно впервые стало применяться к скандинавам. Это слово оставило свой след в Оксманстауне, ранее Остманстауне, районе города Дублин, присвоенном остменам английскими захватчиками.

Образование и религия в Ирландии серьезно пострадали от нападения скандинавов, но не так сильно, как в Англии. Никогда еще не было такого мрачного представления об ирландской учености, какое дает Альфред о состоянии изучения английского языка, перевода *"Пастырское попечение"*, и когда однажды викинги начали основывать поселения, они сами были сильно поражены богатством литературного и художественного мастерства, с которым они соприкоснулись. Вопрос об ирландском влиянии на скандинавскую мифологию и литературу является весьма спорным. В настоящее время мы страдаем от реакции на преувеличенные заявления, сделанные от его имени около тридцати лет назад, но, отказываясь принять точку зрения, что скандинавские легенды, как божественные, так и героические, основаны на полной переработке и воссоздании историй из кельтских саг, было бы бесполезно отрицать, что контакт между двумя народами должен был принести плоды и что норвежская литература по форме, стилю и тематике несет на себе многие следы гэльского влияния.

ГЛАВА XI

СКАНДИНАВСКОЕ ВЛИЯНИЕ В АНГЛИИ

Из районов, занятых скандинавскими поселенцами в Англии, наиболее ярко их присутствие проявляется в Камберленде, Уэстморленде, Северном Ланкашире и Йоркшире в старом королевстве Нортумбрия и округе Пяти боро в Мидлендсе. Восточная Англия не была так сильно затронута датской оккупацией.

Прежде чем перейти к одному из главных источников наших знаний о присутствии норвежских и датских поселенцев в различных частях Англии, а именно. основываясь на данных географической номенклатуры, необходимо сказать несколько слов об основных скандинавских элементах, которые можно распознать в английских географических названиях.

Из элементов, отличных от личных имен, наиболее распространенными являются следующие, некоторые из них и по сей день используются как самостоятельные слова в английских диалектах, испытавших скандинавское влияние:—

-БЕК. О.Н. *беккр*, ручей, небольшой ручеек воды.

-БИГГИН (Г.). О.Н. *такелаж*, строительство.

-АВТОР: О.Н. *бор*, Дэн. Швед. *от*, город или деревня. Это слово указывает скорее на датское, чем на норвежское поселение.

-CAR(R), -кер. О.Н. *kjarr*, *кьерр*, хворост, особенно на болотистой почве.

-ДЕЙЛ. О.Н. *далр*, долина. Этимологически это слово может иметь исконно английское происхождение, но его распространение указывает на скандинавское влияние.

-ФЕЛЛ. О.Н. *фьялл*, гора.

-FORCE. О.Н. *форс*, водопад.

-ЧЕТВЕРТЫЙ. О.Н. *фьерд*, фьорд. Английский *-ford* и скандинавский *-forth* часто меняются местами в старых документах.

-ГАРТ. О.Н. *garðr*, ограждение, скандинавский эквивалент английского "двор".

-ГИЛЛ. О.Н. *гил*, глубокая узкая долина с ручьем на дне.

-ХОЛМ. О.Н. *холмр*, небольшой остров, особенно в бухте, ручье или реке. В Англии его значение получило дальнейшее развитие и часто означает "низменная ровная местность на берегу реки или ручья". Теперь часто скрывается в суффиксе *-ham*.

-КЕЛД. О.Н. *кельда*, ну, весна.

-ЛУНД, -местность. О.Н. *лундр*, роща. Сейчас в английских топонимах часто искажается на *-land*.

-ТРЯСИНА. О.Н. *мирра*, болото, трясина, топь.

-RAISE. О.Н. *хрейси*, пирамида из камней.

-МАСШТАБ. О.Н. *скали*, дом. Это слово скорее норвежское, чем датское.

-ШРАМ, отмель, шхера. О.Н.Э. *шхера*, изолированная скала в море.

-СКАУТ. О.Н. *скути*, пещера, образованная выступающими скалами.

-НАХМУРИТЬСЯ, нахмуриться. О.Н. *скорогр*, лес.

-СЛЭК. О.Н. *слакки*, склон на краю горы. Часто используемые в английском языке топонимы лощины или заболоченного места[15].

-ТАРН. О.Н. *тьерн*, небольшое озеро.

-ТОРП (Е). О.Н. *торп*, хутор, деревня. Это слово также встречается в О.Э. и в некоторых географических названиях, несомненно, местного происхождения, но его общее распространение довольно убедительно указывает на скандинавское влияние.

-ТУЭЙТ. О.Н. *вэйт*, земельный участок, загон.

-ТОФТ. О.Н. *топт*, участок земли, меси́во, усадьба.

-С. О.Н. *вид*, лес.

-ВАТ. О.Н. *вод*, брод.

Топонимы с приставкой *Norman*- обозначают поселение не норманнов, а скандинавов (или северян, как называли их англичане), как в Нормантоне и Норманби, в то время как поселение датчан обозначается приставкой *Dena*- или *Den*- как в Денаби и Денби. Этот последний префикс, однако, имеет и другие источники.

Скандинавские личные имена очень распространены в географических названиях, но их присутствие, как правило, может быть обнаружено с какой-либо степенью уверенности только при обращении к формам, найденным в ранних документах. Среди наиболее легко узнаваемых - *Гримр*, как в Гримсарге (ланк.) и Гримсби (шт.), *Гуннарр*, как в Ганнерсайде (шт.), *Кетилл*, как в Кеттлуэлле (шт.), *Клаккр*, как в Клакстоне (шт.), *Ормр*, как в Ормскирке (шт.). Другие, которые можно найти по ссылке на более ранние формы, - это *Fráni*, как во Франсфельде (=Фарнсфилд, Ноттс.), *Gamall*, как в Гамелестуне (=Гамстон, Ноттс.), *Gunnúlf*, как в Ганнулвестоне (=Гональстон, Ноттс.), *Knútr*, как в Кнутстоуне (=Нустон, Нортанц.), *Leifr*, как в Левесби (=Лейсби, шт.), *Сумарлиди*, как в Сумарлидеби (=Сомерби, шт.), *Скули*, как в Скултуне (=Скоултон, шт.), *Тоули*, как в Толеслунде (=Тосланд, шт.), *Викингр*, как в Вичингстоуне (=Вигстон, шт.), *Ульфр*, как в Ульвесби (=Улсеби, Ссылки.).

Исследуя распределение скандинавских географических названий, определенное с помощью приведенных выше тестов и других, которые могут быть применены с большой точностью, если мы изучим не современные, а старые формы географических названий, мы обнаружим, что географическая номенклатура Камберленда и Вестморленда почти полностью либо

скандинавская, либо кельтская. Действительно, может показаться, что английское поселение вообще почти не затронуло эти районы, и тевтонизировать их было предоставлено скандинавским поселенцам. То же самое верно для Фернесса и Ланкашира, к северу от Риббла, старые названия которых Стеркаланд и Агмундернессе скандинавского происхождения, но к югу от этой реки количество скандинавских географических названий значительно сократилось, за исключением побережья и немного вглубь страны, где у нас есть несколько *быков* и *-долин*. В Чешире свидетельства скандинавских поселений почти полностью ограничены Вирралом, но там большое количество *быт* и географических названий, таких как Тингуолл (v. *выше*, стр. 115, примечание 1), указывают на сильную колонию викингов, а распространение географических названий в Южном Ланкашире и Чешире свидетельствует об активных контактах между поселенцами Ирландии и Англии.

По другую сторону Пеннинской цепи, хотя Нортумберленд несколько раз разорялся скандинавами и, вероятно, был хорошо заселен, по крайней мере, в плодородных долинах рек, в географических названиях практически нет свидетельств их присутствия. Есть несколько биггинсов, карров и холмов, несколько тофтов и дейлов, но это обычные диалектные слова, которые обычно встречаются в несложных формах. Они практически никогда не встречаются в названиях городов или деревень и вполне могли быть завезены из районов, расположенных южнее. На крайнем западе и юго-западе графства есть "холмы" и "долины", но они находятся на границах Камберленда, Уэстморленда и Дарема. Маленькие ручьи - это "бернс", а не "беки", Вансбек является искажением более раннего *Вейнспайка*.

Когда мы перейдем границу со. Дарем: притоки реки Уир варьируются от "берн" до "бек", но к тому времени, как мы добираемся до Тисов, все они превращаются в беки. Бичберн-Бек, приток реки Уир, показывает, как скандинавский термин мог быть присоединен к английскому названию, когда его собственным значением пренебрегали или забывали. Распространены и другие скандинавские названия, но, как и в Нортумберленде, они в целом принадлежат к диалекту и редко встречаются в названиях городов или деревень. Поселенцы-викинги, должно быть, были немногочисленны и широко разбросаны по этим двум округам. Среди городов следует назвать одно большое исключение, а именно: Сам Дарем. Город был назван викингами *Дун-холмр*, "остров-холм", и его нынешнее название - всего лишь нормандское искажение этой формы.

К югу от Тиса мы оказываемся в районе, топонимы которого в значительной степени скандинавские, а норвежские поселения густо и равномерно распределены от Северного моря до Пеннинской цепи.

Переходя от Нортумбрии к Данелагу, Линкольншир, возможно, более чисто скандинавский по своим топонимам, чем любое другое английское графство. В Дербишире влияние викингов не так сильно, но графство, вероятно, было очень малонаселенным, по крайней мере, на севере и западе, и не представляло собой привлекательного места для поселения. Само Дерби было переименовано северянами, его прежнее название было "Нордвеордиг". Богатые поля и пастбища Лестершира привлекли очень много поселенцев, и Ноттингемшир также является сильно скандинавским. Ратленд и Нортгемптоншир в значительной степени датские, за исключением того, что в юго-западном углу последнего графства наблюдается некоторое затенение. В стране, граничащей с Данелагом на юге и западе, Стаффордшир имеет несколько

скандинавских географических названий на границах Дербишира и Лестершира, в то время как Уорикшир имеет несколько названий на границах Лестершира и Нортгемптоншира.

В Восточной Англии датские поселения, должно быть, были многочисленными на севере и востоке, особенно по направлению к побережью, но их присутствие менее заметно в юго-западной части графства. В Саффолке они еще более определенно ограничены прибрежными районами, а датчане, по-видимому, вообще не селились на юге графства. Три Кирби недалеко от побережья Эссекса отмечают поселения в этом округе. Из других пограничных графств Хантингдоншир, Кембриджшир и Бедфордшир демонстрируют лишь малейшие следы скандинавского влияния в своей географической номенклатуре, хотя из других свидетельств мы знаем, что в этих графствах должно было быть много датских поселенцев.

Свидетельство о географических названиях тесно связано со свидетельствами о диалекте. Очень большое количество слов определенно скандинавского происхождения встречается в диалектах Северной и Северо-западной Англии, в Северо-Мидлендсе и Восточной Англии, но они не являются таким чувствительным критерием, как географические названия, для определения протяженности скандинавских поселений, и их нет необходимости обсуждать здесь.

Более интересным свидетельством глубокого влияния поселенцев-викингов на наш язык является большое количество скандинавских заимствований, которые стали частью нашей стандартной речи, многие из них являются словами, необходимыми для нашего повседневного общения. Скандинавскому влиянию мы обязаны местоимениями *they, them* и *their*, прилагательными *same* и *both*, *fro* в *to* и *fro* и, возможно, вспомогательными *are* и предлогом *till*. Последние встречаются в нортумбрийском диалекте древнеанглийского языка, но их широкое использование, вероятно, связано со скандинавским влиянием. В дополнение к этому мы можем отметить следующее:

Глаголы: *приманки, греться, доска, звонок, литой, рассвет, свисать, утопить, приобрести, скороговорка, ограбить, припугнуть, оттирать, скрести, обезжиренное, пропустить, визг, скупиться, взять,*

Существительные: *гнев, волна, благо, сумерки, товарищ, походка, грязь, убежище, муж, шелуха, хастинг, череп, налет, умение, кожа, юбка, небо, окно,*

Прилагательные: *неуклюжий, больной, странный, гнилой, скудный, хитрый, уродливый, слабый,* и множество слов, в которых скандинавские формы заменили родственные английские, например, *aloft, попереk, awe, birth, egg, get, gift, give, гость, рейд, сестра, поклонник, Четверг.*

Эти слова по большей части составляют саму суть нашего языка, ярко выражая четкие идеи, и хотя численно они превосходят заимствованные слова из французского, сами по себе они более важны для нашей речи, чем богатый словарный запас, заимствованный из этого языка.

Однако для определения масштабов и характера поселений викингов в Англии у нас есть гораздо более тонкий и точный показатель, чем тот, который можно найти в географических названиях и диалектах. Когда мы изучаем страницы "Страшного суда", великой летописи английской социальной организации XI века, мы обнаруживаем, что в графствах, попавших под влияние викингов, есть много деталей раздела земель, владения, оценки и социальной

организации в целом, которыми эти графства отличаются от остальной Англии, и некоторые из этих различий все еще можно проследить.

"Райдинги" Йоркшира и округ Линдси в Линкольншире изначально были "тритингами" (O.N. *pripjungr*, третья часть), начальная -я позже была поглощена конечной согласной предшествующих "Восток", "Запад", "Север" и "Юг" (в Lincs.).

Однако основные критерии скандинавского влияния, взятые из "Страшного суда" и связанных с ним источников, заключаются в следующем:

(1) Использование датского "вапентаке" в качестве главного подразделения графства в отличие от английского "сто". Это встречается в Линкольншире, Дербишире (за одним исключением на его южной границе), Ноттингемшире, Лестершире, Ратленде и одном округе Нортгемптоншира, ныне включенном в Ратленд. У нас в Йоркшире есть вапентаки, за исключением некоторых округов вдоль морского побережья, в то время как в Ланкашире этот термин применялся ко двору сотни или графства еще долго после завоевания. Есть также некоторые свидетельства того, что использование сотни (или вапентаке) в качестве административной единицы само по себе обусловлено скандинавским влиянием. Доля сотен названий (или вапентакей), которые определено датского происхождения, очень высока, и, если мы не предполагаем массового переименования, это указывает на то, что они были впервые названы в период, последовавший за датским завоеванием.

(2) Оценка по карукатам в кратных и подмножествах 12 характерна для данелагов, в отличие от оценки по шкурам, построенной по десятичной системе в строго английских округах. Это встречается в Дербишире, Ноттингемшире, Линкольншире, Лестершире и Ратленде, за исключением вышеупомянутого округа. В двух сотнях северо-восточных округов Нортгемптоншира есть следы двенадцатеричной оценки, в то время как в Ланкашире оценка по хидалю была наложена на первоначальную оценку по каруку. Карукальная оценка встречается также в Йоркшире, Норфолке и Саффолке.

(3) В Линкольншире, Ноттингемшире, Дербишире и Йоркшире мы находим следы использования датской "длинной" сотни (= 120), например, штраф за нарушение спокойствия короля составляет 8 фунтов стерлингов, то есть 120 руд[16] в размере 16 пенсов.

Используя различные тесты, мы обнаруживаем, что скандинавское королевство Нортумбрия было значительно меньше более раннего королевства с таким названием, Нортумберленд и Дарем были малонаселенными, в то время как Южный Ланкашир и Чешир были заняты в основном вдоль побережья. Казалось бы, королевство распадается на две изолированные половины: Камберленд и Уэстморленд, а также Северный Ланкашир на северо-западе и Йоркшир на юго-востоке. Округ из Пяти округов охватывал Дербишир, Ноттингемшир, Линкольншир (Линкольн и Стэмфорд), Лестершир и, вероятно, весь Ратленд (Стэмфорд). Случай с Нортгемптонширом сложный. Карукальная оценка несостоятельна, за исключением крайнего северо-востока графства, но датская география совершенно очевидна, хотя она несколько отклоняется к юго-западу. Она напоминает датскую Восточную Англию, а не округ из Пяти Боро, и вполне возможно, что граница королевства Восточной Англии Гутрума, которая простирается всего до Стоуни Стратфорда во времена мира Альфреда и Гутрума, действительно проходила по Уотлинг-стрит на протяжении нескольких миль, отдавая две трети этого графства королевству Восточной Англии.

Нортумбрией правила череда королей. Пять округов образовали свободную конфедерацию, и не может быть никаких сомнений в том, что округа, которые "подчинялись" (*против. выше*, стр. 31), районы Дерби, Лестер, Ноттингем, Линкольн (и Стэмфорд) и Нортгемптон образуют современные округа, названные по этим городам. Также прямому или косвенному влиянию Дании мы обязаны аналогичной организацией графств Хантингдоншир, Кембриджшир, Бедфордшир и Хартфордшир в старом королевстве Восточной Англии. В каждом из этих графств был *ярл* или *ярл*, штаб-квартира которого находилась в "боро". Он призвал сюда *ealdorman*.,,

В Восточной Англии, помимо географических названий (*в. выше*, стр. 129) и оценки карукальности в Норфолке и Саффолке, у нас остались границы королевства Гутрума и различные свидетельства для оценки степени скандинавского влияния. В *Хартфордшире* есть любопытная "*сотня дакорумов*" (*ср. Выше*, стр. 10), в то время как "*Элиенская история*" и другие документы, как правило, указывают на присутствие сильного датского элемента в населении и социальной организации районов вокруг Кембриджа. Королевству Восточной Англии пришел конец в начале 10 века, и вполне вероятно, что затем его организация была изменена на организацию, напоминающую организацию Пяти районов, а именно. ряд округов сгруппировался вокруг центральных "боро", которые впоследствии стали графствами, за исключением старых районов Норфолк и Саффолк.

Тщательное изучение "Страшного суда" и других авторитетных источников выявляет многие другие интересные особенности нашей социальной системы, которые возникли под влиянием викингов. Определенные типы поместной структуры особенно распространены в Данелаге. Поместье и деревня ни в коем случае не идентичны, действительно, несколько поместий включены в одну виллу. Очень распространенным является тип, который состоит из центральной усадьбы с прилегающей территорией сокленд. В Данелаге было большое количество мелких землевладельцев, а класс свободных крестьян был гораздо многочисленнее, чем в англосаксонской Англии. Эти районы резко контрастируют с сильно манориализованными южными графствами, и до нормандского завоевания они не были феодализированы в сколько-нибудь заметной степени. Когда была введена эта система, мы часто сталкивались с тем, что плату за одного рыцаря приходилось брать на себя целым сообществам сокеменов. "Холды" Нортумбрии, которые стоят следующими после графов, и "дренгов" Камберленда, Уэстморленда, Ланкашира, Нортумберленда и Дарема, также скандинавского происхождения. "Дренг" был "свободным слугой короля, наделенным землями", и это название до сих пор сохранилось в йоркширском топониме Dringhouses.

Юридический инстинкт был силен в сознании скандинавов, и английское право несет на себе глубокие следы его влияния. Само слово "закон" скандинавского происхождения и заменило английское "doom". Главная судебная власть в Линкольне, Стэмфорде, Кембридже, Честере и Йорке находилась в руках двенадцати *лагменов* или *судебных органов*. Эти "законники" (*против. выше*, стр. 103), хотя и обладали судебной властью, не были избраны королем или всенародными выборами. Их положение передавалось по наследству. Особый интерес представляют "12 старших танов" законов Этельреда для пяти округов, принятых в Вэнтедже в 997 году. Они должны выступить в суде каждого штата вапентаке и поклясться, что они не будут несправедливо обвинять ни одного невинного человека или укрывать ни одного виновного.

Точная сила этого постановления была предметом споров — были ли таны просто свидетелями личного статуса обвиняемого, что позволило суду определить, через какое испытание он должен быть подвергнут, или же мы предвосхищаем систему представления дела присяжными. Какой бы ни была точная правда, не может быть никаких сомнений, говорит доктор Виноградофф, что такой обычай подготовил почву для суда присяжных в 12 веке. Тот же автор приписывает датскому влиянию новую концепцию преступности. Это уже не просто нарушение мира или результат вражды, подлежащей урегулированию денежной компенсацией, это нарушение той концепции чести, которая объединяет военные общества. Теперь преступник заклеен как *ничтожество*, человек, недостойный товарищества со своими товарищами-воинами.

К сожалению, только в последние несколько лет вопрос о датском влиянии на наши социальные, политические и правовые системы стал рассматриваться всерьез, и многое еще предстоит сделать, но мы уже можем видеть, что датчане повлияли на английскую жизнь гораздо глубже, чем может показаться на первый взгляд. Несомненно, датские вторжения нанесли тяжелый удар по образованию и литературе, удар, от последствий которого не смогла спасти даже героическая деятельность Альфреда, но не может быть сомнений в том, что в развитии городской жизни, в развитии торговли, в улучшении организации и управления, в изменении юридических процедур захватчики принесли большие выгоды стране в целом.

СНОСКИ:

[15] В Шотландии он используется для создания полого прохода в горном хребте.

[16] *Руда*, используемая в качестве весовой единицы серебра, имеет скандинавское происхождение. В некоторых округах она стоила 16 пенсов, в других - 20 пенсов, и восемь *руд* доходили до *марки*.

ГЛАВА XII СКАНДИНАВСКОЕ ВЛИЯНИЕ В ИМПЕРИИ И ИСЛАНДИЯ

Учитывая длительную и опустошительную кампанию викингов во Франкской империи, особенно в ее западной части, удивительно, что они основали постоянные поселения только на одной небольшой территории, практически не оставив следов своего присутствия в других местах. Значительная часть Нидерландов была почти непрерывно оккупирована ими в течение IX века, но эта возможность была упущена, и, помимо важной доли в развитии торговли Дюрстеде, викинги едва ли оставили после себя какие-либо признаки своего влияния.

Случай с Нормандией иной. Здесь мы имеем определенный район, закрепленный за захватчиками, точно так же, как Данелаг был отдан им в Англии, и вся эта территория глубоко пропитана их влиянием. Многие нормандские города на *-ville* содержат в качестве первого элемента в своем названии скандинавское личное имя, например, Каттевиль, Ковервиль, Кольвиль, Фуквиль, Хаквиль, содержащие имена *Кате*, *Кальфр*, *Колр*, *Фолки*, *Хакон*, в то время как суффиксы *-бек*, *-бойф*, *-дейл*, *-эй*, *-гард*, *-лонде*, *-торп*, *-тот*, *-туит*, *-вик* как и в Больбеке, Эльбефе, Сосседале, Джерси, Эппегарде, Манделонде, Торгисторпе, Аббето, Бракветуите,

Барвиче возвращаются в О.Н. *беккр, буд (бут), далр, эй (остров), гард, лундр, торп, топт, вейт, вик* (v. выше, стр. 124-5). Диалект Нормандии и по сей день содержит большое количество скандинавских слов, а другие были введены в стандартный язык. Некоторые из них также попали в английский язык через наших нормандских завоевателей, например, *abet, baggage, elope, equip, jolly, мусор, совок, раздор* точно так же, как *Бульбек* в Суафхэм-Бульбеке (Камбс.) и *Бульбек Коммон* над Бланчлендом в Нортумберленде происходят из великого нормандского баронства Бульбек, названного так в честь Болбека в Нормандия, частью которой они когда-то были. Нормандское законодательство и обычаи также обнаруживают много следов скандинавского влияния, как и нормандские фольклорные предания.

Норманны по-прежнему считали Данию своей родиной вплоть до конца 10 века, и по меньшей мере дважды за время правления Гарольда Блутуза их герцоги получали помощь из этой страны. Знать вскоре перестала говорить на своем старом северном языке, но, вероятно, он оставался актуальным на устах народа еще довольно долгое время.

Викинги всегда проявляли острую чувствительность к влиянию цивилизации более высокой или развитой, чем их собственная, и нигде это не проявляется так явно, как в Нормандии. Язычество нашло сторонника еще в 943 году, когда после смерти Уильяма Длинного Меча восстание язычников-норманнов было подавлено с помощью франкского короля, но по большей части норманны вскоре показали себя набожными сынами Церкви, и им было суждено в 11 веке войти в число самых ярых сторонников Крестовых походов. С принятием христианства они научились уважать и почитали те учебные заведения, которые они когда-то разорили из-за накопленных сокровищ, и знаменитая школа в Беке, откуда родом Ланфранк и Ансельм, была лишь одной из многих, которые они щедро одаривали и поддерживали.

Их религиозные и художественные чувства нашли выражение в том развитии романской архитектуры, которое мы знаем как нормандское и которое дало так много знаменитых зданий не только Нормандии, но и Англии, Сицилии и Южной Италии в целом. В литературе норманнско-французские *этруверы* много сделали для популяризации военных романов и приключений, которые играют столь важную роль в средневековой литературе, и когда они поселились в Англии, во многом благодаря англо-нормандским поэтам "дело Британии" стало одной из величайших тем романтики на все времена.

По своей социальной организации Нормандия, по-видимому, быстро подверглась феодализации. Ролло разделил землю между сравнительно небольшим числом крупных землевладельцев, и система землевладения сильно отличалась от системы английского Данелага с его большим количеством мелких фригольдеров. С другой стороны, вероятно, именно из-за скандинавских традиций личной свободы крепостное право исчезло в Нормандии раньше, чем в любой другой французской провинции.

Здесь, как и везде, викинги поощряли торговлю. Именно норманны первыми научили французов становиться морской державой, многие французские военно-морские термины имеют нормандское происхождение, и из нормандской провинции вышли некоторые из величайших морских капитанов Франции.

Викинги, как и франки до них, отказались от своего старого языка и подчинились всеобъемлющей силе латинской цивилизации, и в результате получилась раса, наделенная энергичным характером, неутомимой активностью и инстинктом повелевать людьми.

Норманны, возможно, и стали в значительной степени французами, но они не утратили своей старой предприимчивости и духа приключений. В 11 веке они завоевали Англию и основали для себя великие королевства на Сицилии и Юге Италии. Ни один род викингов не был более сильным, чем тот, который возник в результате прививки галло-латинской культуры к более грубой цивилизации тевтонского севера.

Их влияние на Францию в целом далеко не так велико, как влияние их родственников в Англии, вероятно, потому, что английское правительство было централизовано (при нормандском правлении) гораздо раньше, чем французское, и, таким образом, их влияние смогло проявиться за пределами фактических районов, в которых они поселились. Однако заселение Нормандии способствовало консолидации власти в руках Карла Лысого и его преемников во многом так же, как заселение Данелага помогло в установлении окончательного господства Уэссекса.

Остается поговорить об одной великой родине цивилизации викингов, на которую было сделано более одного упоминания в предыдущих главах, а именно. Исландия. История его заселения очень проста. Это началось около 870 года, когда многие знатные норвежские вельможи искали там для себя и своих последователей более свободной жизни, чем они могли получить при растущей власти Гарольда Светловолосого. Он был значительно укреплен поселенцами как из Норвегии, так и из Ирландии и Западных островов, когда эта власть была прочно установлена в битве при Хафрсфьорде, и к 930 году заселение было практически завершено. Исландия была более чисто скандинавской, чем любое другое поселение, созданное в эпоху викингов. Здесь мы имеем дело не с привитием одной цивилизации к другой, более ранней, как в Англии, Ирландии или Франкской империи, а с переносом лучших элементов нации на новую и девственную почву, где, хорошо это или плохо, они могли свободно развивать свою цивилизацию почти совершенно независимо. Поселенцы с Западных островов и из Ирландии, возможно, принесли кельтские элементы, и христианство не обошлось без влияния, когда оно было привнесено из Норвегии в конце 10 века, но в целом мы видим в Исландии именно то, на что была способна цивилизация викингов, когда ее предоставили самой себе.

Сначала поселенцы жили в почти полной изоляции, политической и религиозной, друг от друга, но вскоре они обнаружили, что необходима какая-то форма организации, и группы поселенцев начали с выбора из своего числа *годи*, или вождя, наполовину священника, наполовину лидера, который был оратором на их митинге и их представителем на переговорах с соседними группами. Затем продолжающиеся споры и отсутствие общего права привели к учреждению центрального спора или *собрания*, на котором спикер излагал один-единственный закон для всех. Но норвежцы гораздо лучше умели создавать конституции и принимать законы, чем соблюдать их, когда они были введены в действие, и состояние Исландии было наглядно, хотя и грубо, охарактеризовано как "весь закон и никакого правительства". Местные *правления* или национальный союз могли принимать совершенные законы, но не было никакой непреодолимой силы, кроме общественного мнения, чтобы заставить их подчиняться. Даже введение христианства ничего не изменило: исландцы так же ожесточенно ссорились по вопросам церковного как и гражданского права, а власти средневековой церкви были шокированы их анархической любовью к свободе. По словам профессора Кера, "поселенцы создали собственное содружество, которое противоречило всем предрассудкам средневековья и всей древней и современной политической философии; содружество, которое не было государством, у которого не было ни правительства, ни суверенитета". "Это была

анархия без полицейского-констебля". Результатом было то, что богатые люди становились еще богаче, бедные становились еще беднее, мелкое дворянство вымирало, а крупные поместья попадали во все меньшее и меньшее количество рук. Великие люди ссорились между собой, интриговали друг против друга и играли на руку норвежским королям, которые только ждали удобного случая. Это произошло во времена Хакона Старого. "Земля и таны" были приведены к присяге этому королю на Альтинге в 1262 году, а в 1271 году старое исландское общее право было заменено новым норвежским кодексом.

Провал исландского содружества с лихвой компенсируется богатым интеллектуальным развитием исландской литературы, которая многими своими наиболее характерными чертами была обязана тому факту, что была написана на земле, почти полностью изолированной и оторванной от основных течений западной средневековой мысли и общей тенденции европейской истории, но сама по себе эта неудача имеет глубочайшее значение для правильного понимания роли, которую сыграла цивилизация викингов в Европе. Какой бы могущественной и высокоразвитой ни была эта цивилизация во многих отношениях, своего наивысшего и наилучшего выражения она достигла только тогда, когда вступила в плодотворный контакт с другими, более древними цивилизациями. Там она нашла средство для исправления некоторых присущих ей недостатков, особенно определенных тенденций слишком сильно индивидуалистического характера, ведущих к политической и интеллектуальной анархии, в то время как в то же время благодаря своей собственной энергии и напористости она ускорила жизнь более старых цивилизаций там, где они имели тенденцию к изнурению. Германские народы многое сделали для развития европейской цивилизации во времена странствий народов, но к концу VIII века они утратили большую часть своей первозданной энергии из-за контакта с более богатой и роскошной цивилизацией римского мира. Именно северогерманским народам, или норманнам, как мы можем более точно описать их, в IX и X веках предстояло придать еще более мощный импульс европейской жизни, если не европейской мысли, стимул, который, возможно, нашел свое высшее выражение в великих творениях норманнской расы в мире политики, мире торговли, мире архитектуры и мире литературы.

БИБЛИОГРАФИЯ

[Прилагаемая библиография не пытается иметь дело с основными авторитетными источниками, с большой массой ценной периодической литературы, опубликованной за последние тридцать лет, или с книгами, лишь случайно касающимися движения. Вызывает большое сожаление, что так мало важных скандинавских книг по этому предмету было переведено на английский.]

Бьеркман Э. Скандинавские заимствования в среднеанглийском. Halle. 1906.

Бугге, А. Викингерн. 2 серия. Христиания. 1904-6. (Немецкий перевод 1-й серии. Leipzig. 1896.)

— Vesterlandenes Inflydelse paa Nordboernes i Vikingetiden. Христиания, 1905 год.

— Norges Historie. Том. I, Часть II. Христиания. 1910.

Коллингвуд, У. Г. Скандинавская Британия. Лондон. 1908.
Крейги, В. А. Религия древней Скандинавии. Лондон. 1906.
Дитрихсон Л. и Мейер С. Памятник Оркадике. Христиания. 1906. (Сокращенное издание на английском языке.)
Дю Шайю, П. Б. Эпоха викингов. 2 тома. Лондон. 1889.
Густафсон, Г. Норджес Олдтид. Христиания. 1906.
Хендерсон Г. Скандинавское влияние на кельтскую Шотландию. Глазго. 1910.
Кири, К. Ф. Викинги в Западном христианском мире. Лондон. 1891.
Кермоуд, П. М. К. Мэнкс-Кросс. Лондон. 1907.

Maurer, K. Die Bekehrung des Norwegischen Stammes. 2 тома. Мюнхен. 1855-9.
Монтелиус, О. История Швейцарии. Том I. Стокгольм. 1903. (Немецкий тр. Kulturgeschichte Schwedens. Leipzig. 1906.)
Müller, S. Vor Oldtid. Копенгаген. 1897. (Немецкий тр. Nordische Altertümsskunde. 2 тома. Страсбург, 1897-8.)
Ольрик, А. Нордиск, Лив и Викингетид. Копенгаген. 1907. (Немецкий тр. Nordisches Geistesleben. Heidelberg. 1908.)
Стинструп, J. C. H. R. Normannerne. 4 тома. Копенгаген. 1876-82.
—— Danmarks Riges Historie. Том I. Копенгаген. 1876-82.
Томсен В. Отношения между Древней Русью и Скандинавией. Оксфорд. 1877.
Vogel, W. Die Normannen und das Fränkische Reich. Heidelberg. 1906.
Фогт, Л. Дж. Дублин в Норвегии. Христиания. 1906.

Публикации Клуба викингов (Сборник саг и Ежегодник) включают статьи по различным аспектам движения и заметки о литературе по данной теме, а также описания различных археологических открытий.

КЕМБРИДЖ: НАПЕЧАТАНО ДЖОНОМ КЛЕЕМ, магистром ФИЛОСОФИИ В UNIVERSITY PRESS.

КЕМБРИДЖСКИЕ РУКОВОДСТВА ПО НАУКЕ И ЛИТЕРАТУРЕ
, изданные издательством Кембриджского университета

ГЛАВНЫМИ РЕДАКТОРАМИ

Р. ДЖАЙЛЗ, доктор литературоведения,
магистр колледжа Эммануэля
и

А. К. СЬЮАРД, магистр наук, профессор ботаники Кембриджского университета,
ТЕПЕРЬ ГОТОВЫ ШЕСТЬДЕСЯТ ТОМОВ

.

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Древняя Ассирия. Преподобный К. Х. У. Джонс, литтл.Д.

Древняя Вавилония. Преподобный К. Х. У. Джонс, литтл.Д.

История цивилизации в Палестине. Автор: профессор Р. А. С. Макалистер, М.А., F.S.A.

Китай и маньчжуры. Автор: профессор Х. А. Джайлс, доктор права

Цивилизация Древней Мексики. Льюис Спенс.

Викинги. Автор: профессор. Аллен Мавер, магистр

Новая Зеландия. Клянусь достопочтенным . Сэр Роберт Стаут, К.К.М.Н., доктор права, и Дж.
Логан Стаут, доктор права (Нью-Йорк).

Первый план Английской приходской церкви. А. Гамильтон Томпсон, магистр, Ф.С.А.

Исторический рост Английской приходской церкви. А. Гамильтон Томпсон, магистр, Ф.С.А.

Латуни. Автор: Дж. С. М. Уорд, Б.А., F.R.Hist.S.

Старинные витражи и роспись по стеклу. Ф. С. Иден.

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Ранняя религиозная поэзия евреев. Преподобный Э. Г. Кинг, д.э.н.

Ранняя религиозная поэзия Персии. Автор: преподобный проф. Дж. Хоуп Моултон, Д.Д.н.,
Д.Теол. (Berlin).

История английской Библии. Преподобный Джон Браун, д.д.

Английские диалекты с восьмого века до наших дней. Автор: У. В. Скит, доктор литературы,
D.C.L., F.B.A.

Король Артур в истории и легендах. Автор: профессор У. Льюис Джонс, магистр медицины

Исландские саги. У. А. Крейги, доктор права

Греческая трагедия. Дж. Т. Шеппард, магистр искусств

Баллада в литературе. Т. Ф. Хендерсон.

Гете и двадцатый век. Автор: профессор Дж. Дж. Робертсон, магистр, доктор философии.

"Трубадуры". Преподобный Х. Дж. Чейтор, магистр искусств

ФИЛОСОФИЯ И РЕЛИГИЯ

Идея Бога в ранних религиях. Автор: доктор Ф. Б. Джевонс.

Сравнительное религиоведение. Автор: доктор Ф. Б. Джевонс.

Нравственная жизнь и моральная ценность. Автор: проф. Сорли, литтл.д.

Английские пуритане. Преподобный Джон Браун, доктор философии

Исторический отчет о возникновении и развитии пресвитерианства в Шотландии. Автор: достопочтенный Rt. лорд Бальфур из Берли, К.Т.н., G.C.M.G.

Методизм. Преподобный Х. Б. Уоркман, д.лит.

Образование

Жизнь в средневековом университете. Р. С. Райт, магистр

ЭКОНОМИКА

Наличные и кредит. Д. А. Баркер, I.C.S.

ЗАКОН

Отправление правосудия по уголовным делам (в Англии и Уэльсе). Г. Гловер Александер, магистр права

БИОЛОГИЯ

Приход эволюции. Автор: профессор Дж. У. Джадд, C.B., F.R.S.

Наследственность в свете недавних исследований. Л. Донкастер, магистр медицины

Примитивные животные. Джеффри Смит, магистр медицины

Индивидуум в животном царстве. Дж. С. Хаксли, Б.А.

Жизнь в море. Джеймс Джонстон, B.Sc.

Миграция птиц. Автор Т. А. Кауард.

Пауки. К. Уорбертон, магистр медицины

Домашние мухи. К. Г. Хьюитт, D.Sc.

Дождевые черви и их союзники. Ф. Э. Беддард, F.R.S.

АНТРОПОЛОГИЯ

Странствия народов. Автор: доктор А. К. Хэддон, Ф.Р.С.

Доисторический человек. Автор: доктор У. Л. Х. Дакворт.

ГЕОЛОГИЯ

Горные породы и их происхождение. Автор: профессор. Гренвилл А. Дж. Коул.

Работа дождя и рек. Автор Т. Г. Бонни, доктор медицинских наук

Естественная история угля. Автор: доктор Э. А. Ньюэлл Арбер.

Естественная история глины. Альфред Б. Серл.

Происхождение землетрясений. К. Дэвисон, доктор медицинских наук, F.G.S.

БОТАНИКА

Растения и животные: исследование симбиоза. Профессор Ф. В. Кибл.

Растительная жизнь на суше. Автор: профессор Ф. О. Бауэр, доктор медицинских наук, F.R.S.

Связи с прошлым в мире растений. Автор: профессор А. К. Сьюард.

ФИЗИКА

Земля. Автор: профессор Дж. Х. Пойнтинг, Ф.Р.С.

Атмосфера. Автор: А. Дж. Берри, магистр искусств

Физическая основа музыки. А. Вуд, магистр искусств

ПСИХОЛОГИЯ

Введение в экспериментальную психологию. Автор: доктор К. С. Майерс.

Психология безумия. Бернард Харт, доктор медицины

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И МЕХАНИКА

Современный локомотив. К. Эдгар Аллен, механик А.М.І.

Современный военный корабль. Э. Л. Эттвуд.

Передвижение по воздуху. Э. Х. Харпер, магистр медицины, и Аллан Э. Фергюсон, B.Sc.

Электричество в передвижении. А. Г. Уайт, B.Sc.

История буханки хлеба. Профессор Т. Б. Вуд, магистр медицины

Пивоварение. А. Честон Чепмен, F.I.C.

НЕКОТОРЫЕ ТОМА В СТАДИИ ПОДГОТОВКИ

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Арийцы. Автор: профессор М. Винтерниц.

Народы Индии. Дж. Д. Андерсон.

Доисторическая Британия. Л. Макл. Манн.

Балканские народы. Дж. Д. Буршье.

Эволюция Японии. Автор: профессор Дж. Х. Лонгфорд.

Вест-Индия. Сэр Дэниел Моррис, К.К.М.Н.

Королевский военно-морской флот. Джон Лейланд.

Цыгане. Джон Сэмпсон.

Английские монастыри. А. Х. Томпсон, магистр искусств

Грамматика геральдики. У. Х. Сент-Джон Хоуп, литтл.Д.

Кельтское искусство. Джозеф Андерсон, доктор права

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Книга. Х. Г. Алдис, магистр искусств

Пантомима. Д. Л. Мюррей.

Народные песни и танцы. Мисс Нил и Ф. Китсон.

ФИЛОСОФИЯ И РЕЛИГИЯ

Моральные и политические идеи Платона. Миссис А. М. Адам.

Прекрасное. Автор: Вернон Ли.

ЭКОНОМИКА

Теория денег. Д. А. Баркер.

Женская работа. Автор: мисс Констанс Смит.

Образование

Школьное образование в Германии. Профессор К. Х. Бройль, доктор литературоведения

Старые грамматические школы. Автор: профессор. Фостер Уотсон.

ФИЗИКА

По ту сторону атома. Автор: профессор Дж. Кокс.

Солнце. Автор: профессор Р. А. Сэмпсон.

Беспроводная телеграфия. К. Л. Фортескью, магистр медицины

Röntgen Rays. Профессор У. Х. Брэгг, Ф.Р.С.

БИОЛОГИЯ

Пчелы и осы. Автор О. Х. Латтер, магистр искусств

История жизни насекомых. Автор: профессор Г. Х. Карпентер.

Странствия животных. Х. Ф. Гадоу, М.А., F.R.S.

ГЕОЛОГИЯ

Затопленные леса. Клемент Рид, Ф.Р.С.

Эрозия берегов. Автор: профессор Т. Дж. Джеху.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И МЕХАНИКА

Добыча угля. Автор Т. К. Кантрилл.

Кожа. Автор: профессор Х. Р. Проктер.

Издательство Кембриджского университета

К. Ф. Клей, менеджер

Лондон: Феттер-Лейн, Е.С.

Примечания переписчика

Исправлены очевидные ошибки пунктуации и диакритических знаков.

Исправлена непоследовательная расстановка переносов.

С. 67: Мюррей -> Морей.

Стр. 147: Nordisk Aaandsliv -> Nordisk Aandsliv.

С. 148: Кнут, 42-2 -> Кнут, 41-2.